

Пёстрые пёрышки

Т. Е. Мейко

Н. Б. Реморова

Пёстрые пёрышки

Сказки Т. Е. Мейко
Картины Н. Б. Реморовой

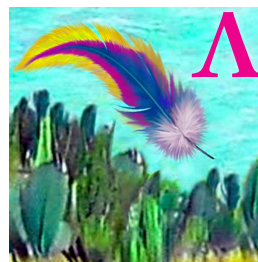
ПЁСТРЫЕ ПЁРЫШКИ: Сказки / Т.Мейко. Картины / Н.Реморова.
Послесловие / О.Чайковская. Томск, 2011.

В книгу вошли сказки и рассказы члена Союза писателей России Т.Е.Мейко, проиллюстрированные картинами из птичьих перьев, выполненными профессором-филологом ТГУ Н.Б.Реморовой.

© Т.Мейко. Текст и художественное оформление.
© Н.Реморова. Картины.

Пёрышко

Летела по небу птица, взмахнула крылом, уронила перо и скрылась из виду.

Повисло пёрышко между небом и землёй и затрепетало от страха. Прежде крепко сидело оно в крыле вместе с другими перьями, слушалось каждого его движения и ни о чём не думало. А теперь? Как жить ему совсем одному? На что оно без птицы годится?

Вокруг сновали мошки, озабоченно жужжали шмели, спешили куда-то бабочки. Все они были чем-то заняты. Даже тополиные пушинки проплывали мимо не просто так – каждая несла семечко, подыскивая для него подходящее местечко. И только пёрышко не знало, куда лететь и что делать.

Стало оно опускаться всё ниже, вот-вот коснётся золотых пуховок одуванчиков, затеряется меж зелёных пёрышек молодой травы...

Но у самой земли его подхватила ласточка и унесла к себе в гнездо.

Там недавно вывелись птенцы. «Может, им я пригожусь?» – с надеждой подумало пёрышко. Но малыши скоро обзавелись собственным опереньем и навсегда покинули свой дом.

На их месте поселился крикливый воробей, который сразу же выбросил всё, что осталось от прежних жильцов. И пёрышко вновь оказалось не у дел...

Однажды, когда оно пролетало по деревенской улице, его поймал на лету мальчик с игрушечной саблей на боку. Он воткнул его в кепку:

– Глядите, я гусар!

– Это только для девчачьей шляпки годится! – засмеялись над ним приятели. И он, недолго думая, бросил свою находку.

– Вот красивое пёрышко! – радостно воскликнула девочка, игравшая неподалёку. Она представила, какой нарядный веер выйдет для куклы. Но бабушка недовольно отряхнула её ладошку и увела внучку домой.

Долго перелетало пёрышко с места на место. Наконец, угодило в корзинку к женщине, которая забрала его с собой и зашила в перину.

Перьев там было полным-полно – настоящее перьевое царство! Все они давно забыли прежнюю жизнь и считали, что для того и существуют, чтобы лежать в перине.

И, уставшее от скитаний, пёрышко порадовалось, что нашло приют. Оно успокоилось, слежалось и всё реже вспоминало о своей птице.

Может, оно бы вовсе о ней забыло, если бы время от времени хозяйка ни начинала взбивать и перетряхивать постель. Тогда ему представлялись прежние беспокойные дни, и хотелось ещё разок взглянуть на белый свет.

Как-то раз, когда перину тряхнули особенно сильно, оно не утерпело, проткнуло наперник и выглянуло наружу – чуть-чуть, самым кончиком.

– Ай! – укололась хозяйка. Она вытянула его двумя пальцами и брезгливо отбросила, решив, что оно слишком велико для перины.

Пёрышком тут же завладел котёнок, попробовал на вкус и, обиженно фыркнув, погнал прочь из комнаты.

Пролетев по длинному коридору, оно угодило в кухню, где жарились блины.

Там его заметила стряпуха, ополоснула под краном и, опустив в блюдечко с маслом, попыталась смазать раскалённую сковородку.

Но, к счастью, для такой работы пёрышко оказалось слишком маленьким. Стряпуха обожгла пальцы и швырнула его на пол, а кончив готовить, вымела на улицу вместе с другим сором.

Пёрышко лежало всеми брошенное, никому не нужное.

Теперь ему казалось, что птица нарочно выкинула его из крыла, потому что оно ни на что не годилось.

Было уже холодно, травы и цветы увяли, кусты и деревья стояли голые, беспёрые, а в воздухе вместо пчёл и бабочек кружились снежинки, словно в небе пролетела стая лебедей, окутав мир своими перьями.

«И пусть... – думало пёрышко, – пусть меня схоронит этот холодный пух, раз от меня нет никакого проку...»

Но пришла весна. С тальми водами его вынесло в ручей, потом в реку. Когда река вошла в берега, оно осталось на заливном лугу. Его обогрело солнце и вновь подхватил весенний ветер.

Он пронёс его над полями и лесами, опушёнными первой зеленью, над крышами деревенских домов, над городскими улицами и забросил в открытое окно.

Там, куда оно попало, всюду были картины. Их было так много, что некоторые не умещались на стенах и стояли на полу, даже на стульях.

А на этих картинах... Пёрышко затрепетало от волнения!

На них был тот же мир, который видело оно во время долгих странствий: те же леса, поля, реки, озера... Но всё это было сделано из птичьих перьев!

Весенние пенные ручьи, летнее разноцветье лугов, жёлтые поля спелой пшеницы, белый пух снегов, даже тяжёлые камни на берегу реки – всё было из перьев!

И вдруг на одной из картин пёрышко увидело птицу.

Картина лежала без рамы и была ещё не закончена. Но как напоминала птица ту, что выронила его из крыла!

Открылась дверь, в комнату быстрыми шагами вошла женщина. Это была художница, без кисти и красок создавшая эти удивительные картины.

Она так ласково посмотрела сквозь стёкла очков, так по-доброму улыбнулась, что подхваченное сквозняком пёрыш-

ко, не раздумывая, доверчиво опустилось ей на ладонь.

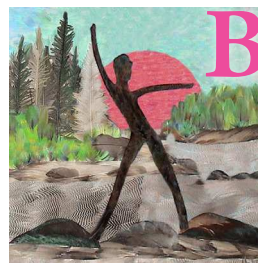
Пёрышко бережно почистили, аккуратно разгладили каждую пушинку и украсили им крыло птицы.

И, кажется, только этого не доставало! Птица на картине будто ожила: вот-вот взмахнёт крыльями и умчится ввысь...

С тех пор пёрышко старалось крепче держаться за крыло птицы. Ведь теперь оно знало, как легко затеряться в огромном бесприютном мире, и как трудно найти в нём своё место.

Начало

Всё когда-то начиналось – и мир, и люди. Однажды самый первый человек в свой самый первый день увидел, как гудит и раскачивается дерево на ветру.

– О чём ты шумишь? – спросил он.

– Я дерево – меня опьяняют соки земли, мне приятно качаться на ней и гудеть.

– И мне, – обрадовался человек, – меня тоже пьянит земля.

Он упёрся босыми ногами в землю, вскинул к небу руки и стал блаженно раскачиваться из стороны в сторону.

Но в спину бил ветер, не давая стоять на месте.

– Остановись, побудь со мной, – сказал человек.

– Не могу, – прошумел ветер на лету. – Я ветер. Мне нужно беспокоить всё вокруг, метаться, мчаться, не разбирая дороги...

– И мне! – воскликнул человек. – Мне тоже беспокойно. Что-то щемит – вот здесь, в груди. И тоже хочется мчаться вдаль.

Он побежал с ветром вперегонки. Но тот не отставал, бил в лицо, толкал в спину.

– Зачем ты мешаешь мне? – спросил человек у травы, оплетавшей его ноги. – Ты же видишь, я – ветер.

– Нет, – прошептала трава. – Ветер свободен, а тебя всегда будет притягивать земля. Разве тебе не хочется слиться с ней, обнять, как я обнимаю?

– Хочется, – прошептал человек, останавливаясь и прислушиваясь к себе. – Я трава!

Упав навзничь, он прижался к земле и увидел, как в небе кружат и резвятся лёгкие, крылатые существа.

– Эй, – крикнул он, – кто вы?

– Мы птицы.

– А хорошо быть птицей?

– Чудесно! Попробуй, и увидишь, что нет ничего лучше!

– Я птица! – обрадовался человек.

Раскинув руки, он побежал, устремляясь к небу. Небо бросилось ему навстречу, замелькали деревья, травы преклонились под ногами. Он мчался стремительный, лёгкий, на бегу кружась и по-птичьи насвистывая.

Весь свой первый день он воображал себя всем, что встречал на пути: бабочкой, цветком, речным потоком, дождём, громом... К вечеру устал и, представив себя прибрежным камнем, уснул у реки. Но даже во сне не мог успокоиться и всё менял обличье.

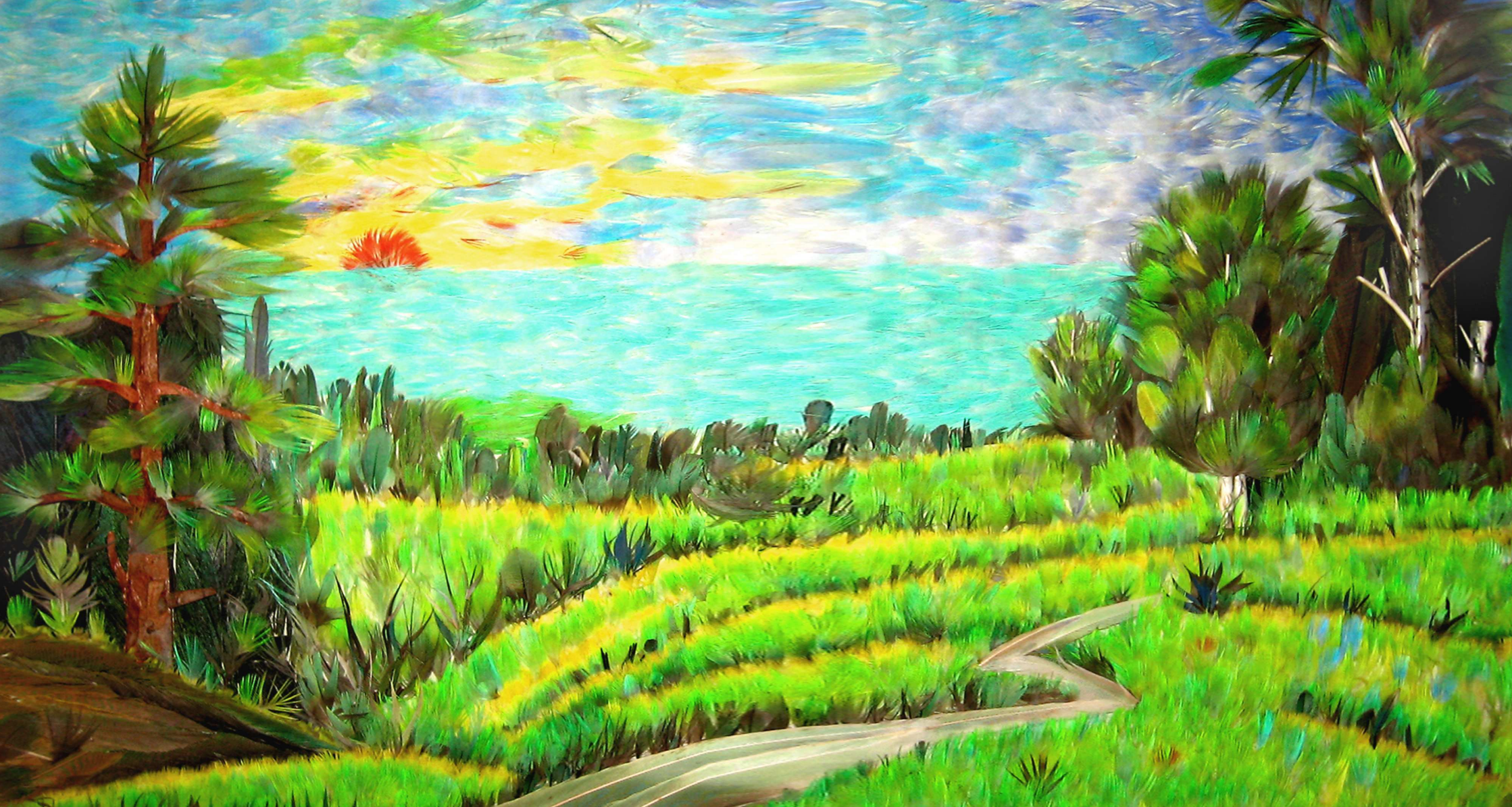
Проснулся он на рассвете, когда над землёй в багряном сиянии вставало солнце. И прежде чем начать новый день, долго стоял в раздумье, решая, кем быть сегодня. На востоке догорала утренняя звезда – и ему захотелось быть звездой, стрекоза села на плечо – и он захотел стать стрекозой. Всё вокруг было ново, свежо, юно, всё манило, звало повториться в себе.

«Ты дерево, ты трава, ты ветер, ты птица...» – доносилось со всех сторон.

– Я дерево, я трава, я ветер, я птица... – радостно соглашался человек.

Всё тогда только начиналось...

Солнце и Туча

Заспорили как-то весной Солнце и Туча: хороша ли Земля.

Солнце оглядело мир от края до края и просияло:

– Цвета на Земле яркие, реки чистые, дали ясные...

А Туча глянула сквозь серую пелену дождя, и всё разом потемнело, поблело.

– Цвета, – отвечает, – тусклые, реки мутные, дали туманные.

Летом жарче спор разгорелся. Солнце смотрит и радуется: капли дождя на изумрудном полотне полей бисером светятся, выются серебряные ленты рек и короной над всей земной красой блистает радуга.

– Земля, как царевна – юная, нарядная... – говорит Солнце. Но Туча не видит ни короны, ни бисера:

– Земля, как нищенка в лохмотьях лесов и заплатах полей.

Осенью Солнце посмотрит: Земля в золотом сиянии, озёра, как камни драгоценные в дорогой оправе лесов. Была царевной – царицей стала!

Туча не верит, всё ей унылым кажется – скучно, серо, сыро...

Зима пришла, и вовсе всё опустело: леса оголились, водоёмы снегом занесло. Лежит земля под холодным белым одеялом неподвижная, бездыханная.

– Ну, кто прав? – спрашивает Туча.

А солнце лишь бросит взгляд – мир засверкает, заиграет радужными блёсками.

– Земля, как невеста в свадебном уборе! – ликует Солнце.

Туча таращится, то так, то этак повернётся, но ничего хорошего не видит.

И до сих пор спорят.

Зёрнышко

Знаешь ли ты, о чём шелестит и лепечет весной новорождённое зелёное поле? Послушай сказку...

Однажды в земле проснулось зёрнышко, выпустило росток и корешок и прошептало испуганно:

– Как темно и холодно...

– Вот и я говорю, – сонно отозвалось зерно, лежащее рядом, – угораздило нас здесь родиться!

– Неужели во всём мире так же мрачно? – спросило первое зерно.

– Там хорошо, где нас нет! – ответило второе.

Они разом вздохнули. Помолчали в печали. Но скучно и зябко было лежать без движения. Зёрнышко ощупало нежным ростком плотную тьму, и ему показалось, что сверху она чуть теплее...

– Куда ты? – окликнуло зерно лежалое. – Лучше не будет! Везде одно и то же!

Зёрнышко само не знало – куда, но что-то смущало его, не давая оставаться на месте. И оно стало пробиваться вверх.

На пути ему встречались холодные камешки, безжизненные комочки глины, гнилой сучок... Казалось, все они были живыми, а теперь умерли. И само оно скоро умрёт, ведь нельзя слишком долго жить во мраке и одиночестве.

Так думало зёрнышко, и всё-таки росло. Но сколько ни вглядывалось в глухой пугающий мрак, светлее не становилось.

Однажды сверху вдруг резко повеяло холодом. Зерно замерло, не зная, как быть. Долго стыло оно в унылом оцепенении, и внутри у него становилось так же темно, как снаружи...

– Нет, – наконец решило оно, – пусть всё вокруг мёртвое, но ведь я-то живое!

И опять – с трудом, с усилием – потянулось вверх.

День за днём, упорно раздвигая тьму, совершало оно свой путь. То есть это мы говорим день за днём, для него же не было ни дня, ни ночи...

Постепенно тьма становилась теплее и мягче... И вдруг – словно порвали чёрное полотно – хлынул свет!

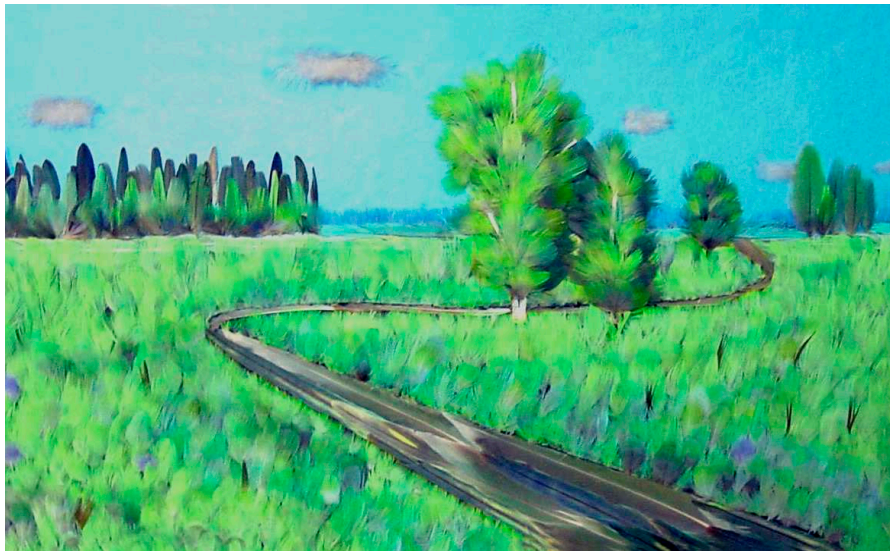
Мир распахнулся – ослепительно яркий, неожиданно тёплый и просторный! Он был полон жизни, движения, звуков!

Вокруг восторженно переговаривались тысячи таких же

юных зелёных всходов. И новорожденный росток, забыв все печали, блаженно залепетал вместе с ними.

Только иногда ему становилось немного грустно, оттого что жаль было то зерно, которое не захотело расти.

...Если когда-нибудь тебе вдруг станет трудно и одиноко, темно и холодно, вспомни, как шумит и ликует молодое весеннее поле. И как бы ни было тоскливо, не отчаивайся и не останавливайся на избранном пути. Ведь может оказаться, что ты ещё не до конца родился.

Ромашка

о чего же они некрасивые! – думала ромашка, оглядывая своих соседок. – Неужели и я такой стану?» Она родилась позже других, была мала ростом, поэтому видела вокруг только грубые стебли и беспорядочно торчащие лохматые листья...

Ромашка росла и становилась всё печальнее. Даже в солнечные дни, когда между стеблями и листьями просвечивала синева неба, а в воздухе играли бабочки и стрекозы, она только вздыхала и уныло косилась вокруг. Ведь ничто не радует, когда ты недовольна собой.

«И чего веселятся эти дурнушки?» – недоумевала она.

А её соседки, нисколько не стыдясь своей неприглядности, беззаботно раскачивались на долговязых ногах, заигрывали с ветром и мотыльками. Сколько ни присматривалась ромашка, не находила в них ничего хорошего. Самое ужасное, что сама она день ото

дня становилась такой, как все – вихрастой и неопрятной.

Однажды цветы вокруг заволновались сильнее обычного и расступились. Заслонив небо, сверху, покачиваясь, опустились две невиданные розовые бабочки. Это, уронив косички с огромными бантами, над ромашкой наклонилась девочка. Две ладошки скользнули следом и пригнули её к земле.

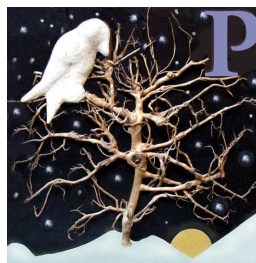
Ромашка испуганно затрепетала и вдруг стремительно понеслась вверх. Небо приблизилось, оглушив её шумом ветра, ослепив солнечным светом. И в этом свете она вдруг увидела под собой множество ромашек – ослепительно белых на зелёном лугу.

Это были те же дурнушки, которые росли рядом с ней, но теперь она взглянула на них с высоты, и какими восхитительными оказались они!

И она всё поняла: на цветы нужно смотреть сверху, откуда видит их само солнце – тогда они прекрасны!

О чём плачет вьюга

Раньше вьюга была весёлая. Пела, танцевала над заснеженными полями и лесами, в зеркальные льды на себя любовалась, крахмальными шелками юбок шумела, кружевными радужными лентами на солнце сияла.

В небе тучи с ней хороводились, сосны и ели ей пушистыми лапами хлопали, варежка на плетне сохнет, и та соскользнёт и с ней закружится.

Но однажды, пролетая из тёплых стран, повстречался ей на пути мимолётный ветер. Увидал, как она резвится, посторонился, поёжился:

- Веселишься? Разве тебе не холодно?
- Что значит холодно? – удивилась вьюга.
- Я спрашиваю, тепло тебе?
- А что такое тепло?
- Ха! Тепла не знает, а радуется!

Вильнул хвостом и исчез. А вьюга задумалась. Что это за тепло такое?

Стала выведывать. Спрашивала у сестёр старших, пурги и метели, у брата среднего, бурана колючего, у брата старшего, мороза трескучего – они про тепло не слышали.

У меньшей, позёмки, допытывалась – та непоседа, во всякую щель проползёт, под каждой подворотней пролезет, но с такой невидалью не сталкивалась.

Спрашивала у поля, у леса, у реки. Поле под снегом крепко спит, лес дремучими грёзами скован, река под глухим слоем льда сонно ворочается...

Во что бы то ни стало решила вьюга тепло найти. Залетела в деревню. Смотрит, человек идёт, что-то себе под нос насвистывает. Вьюга к нему! А он воротник поднял, шапку глубже нахлобучил и шаг прибавил.

Она то с одной стороны подлетит, то с другой, в лицо заглядывает, но он отворачивается, говорить с ней не хочет... Разобиделась, полетела дальше.

Видит, возле дома мальчонка в сугроб забрался – весь в снегу, а щеки жаром пылают. Вот кому тепло!

Но стоило ей приблизиться, малыш поскукнел, нахохлился, домой заторопился.

Заглянула вьюга в окно – там мама мальчику шубку расстёгивает, шапку снимает... А в доме уютно: над столом лампа светит,

на столе самовар сияет, в углу на печи рыжий кот от удовольствия жмурится.

– Тут тепло прячется! – подумала вьюга.

Постучала в окно, в дверь – не открывают. Облетела вокруг дома, взметнув занавески, в открытую форточку ворвалась.

И давай куролесить! Распахнула дверцы шкафа – по полкам пошарила, задрала покрывало подзорчатое – под кровать заглянула, тетрадки и книжки на столе перелистала, лампу погасила, кота с печи согнала.

Всю избу выстудила и чуть не заплакала от обиды – и здесь ничего не нашла! Да где же оно – тепло?!

Едва успела выскочить в захлопнувшуюся за ней форточку.

Разметав косы, растрепав ленты, заметалась по пустым улицам. Стонет, ноет, жалуется, и уж не помнит, как обходилась без тепла да ещё веселилась.

С тех пор нет ей покоя, в окна бьётся, в двери стучит, свищет, ищет, хочет о тепле разузнать, да не у кого. Люди, слышав её рыдания, по домам хоронятся, птицы по застрехам прячутся, собаки по конурам забиваются...

И кажется вьюге – горемычней её никого на свете нет.

Любчик

В жаркий летний день посреди цветущего сада появился на свет никем не замеченный стебелёк. Он пробился меж розовых кустов и решил, что он тоже росток будущей розы.

Сияло солнце, пели птицы, шмели и пчёлы с жужжанием забирались в пышные бутоны – похоже было, что сами розы гудят от удовольствия. Мир был таким ярким, свежим, благоухающим, что новорожденный росток полюбил его с первого взгляда.

Он пришёл в восторг от летнего тепла, умилился мимолетному ветерку, восхитился прекрасными розами, каждая из которых в роскошном бархатном одеянии, усыпанном алмазами утренней росы, казалась драгоценным подарком миру. Он полюбил доброго старого садовника, поливавшего цветы из лейки...

Но больше всех он обожал девочку, внучку садовника. Она порхала по саду, будто бабочка, всё время что-то напевала, а

когда видела особенно красивый цветок, радостно смеялась и гладила его лепестки. И сердце маленького, никому не известного ростка наполнялось нежностью.

Он мечтал, что когда-нибудь тоже превратится в прекрасную розу, и девочка заметит его, оценит и, может быть, полюбит.

Однажды садовник не пришёл. Не пришёл и на следующий день. С тех пор девочка сама поливала цветы из большой тяжёлой лейки. Она реже смеялась и всё вздыхала о чём-то.

Росток вздыхал вместе с ней, мучаясь оттого, что не знает причины её грусти. Он отдал бы ей всё, если бы у него хоть что-нибудь было, он отдал бы за неё жизнь, если б мог. Но что делать, если ты слаб и беден, а сердце рвётся любить, расточать, дарить?..

Как торопил он своё цветение! Весь восторг перед земной красотой, всю свою любовь старался он вложить в будущую розу. Он верил, что она будет так прекрасна, что в мире не останется горестей и печалей.

И вот наконец на его макушке наметились почки. Росток замер в томительном ожидании, с трепетом чувствуя, как, набухая, сладостно ноют они. С тех пор ещё старательней тянулся он к небу, подставлял листья солнцу, впитывал корнем влагу.

Скоро приоткрылся один бутон, другой, и на свет проглянули крошечные, бледные цветочки, совсем не похожие на те, о которых он мечтал...

Бутоны всё раскрывались, раскрывались, и наконец раскрылись все. Но ни в одном из них не оказалось розы.

Росток виновато огляделся вокруг. Ему показалось, что он обманул весь мир, который был так щедр к нему. Но никто не обращал на него внимания. Его цветения не замечали так же, как не заметили появления на свет...

Теперь, когда приходила девочка, росток старался не попадаться ей на глаза. Он стеснялся своего жалкого цветения, мучился тайной неразделённой любовью и не замечал в чужом аромате, как пронзительно тонко и нежно пахнут его простенькие цветы.

Приближалась осень. Роз становилось всё меньше. Скоро девочка срезала последнюю, и он остался один. Тонкий, долговязый, он торчал среди поредевшей зелени, покачивался и кивал ершистой макушкой, осыпанной блёклыми цветочками. Он всё ещё чего-то ждал...

И однажды девочка, оглядев опустевший сад, срезала его и забрала с собой – туда, куда уносила самые красивые цветы.

В комнате, в глубоком кресле сидел укутанный пледом садовник. Он смотрел в пасмурное небо за окном, а перед ним на столе стояли уже отцветшие розы.

Садовник обернулся, и взгляд его вдруг просветлел, будто ему принесли роскошный букет.

– Это же любчик! Где ты его нашла?

– Любчик? – удивилась девочка.

– Ну да... В наших краях его ещё «люби меня» называли.

– А он целебный?

– Не то слово! Считается, что пока он растёт – весь свет любит. И столько любви в себе накапливает, что даже когда увянет, она остаётся – и другим передаётся. Поэтому готовят из него приворотное зелье. ...И сдаётся мне,

что у нас с твоей бабушкой без любчика не обошлось.

– Но, бабушка, это когда было! А теперь у тебя сердце больное, тебе не любовь, тебе лекарство нужно.

– Так любовь для сердца – лучшее лекарство!

Внучка посмотрела на него с недоверием, но видя, как свет прошлой радости лучиками разбегается по всем морщинам, сама разулыбалась. Убрав старый букет, она поставила любчик на его место и спросила:

– Так кого же теперь ты станешь любить?

– Любить всегда есть кого ... Цветы и деревья, солнце, небо, птиц... Ну и тебя, конечно!

А увядающий цветок разливал по комнате аромат ещё более сильный и явственный, чем прежде. Этот аромат был его словами, его слезами, его признанием в любви.

И случилось то, о чём любчик не мечтал даже в счастливую пору своих самых смелых надежд. Девочка вдруг коснулась его губами и ласково поцеловала в макушку, усыпанную мелкими бледными цветочками, будто и вправду он стал прекрасной розой.

Котёнок и ветерок

Скучно в ясный день в душных комнатах сидеть. Выбежал серый котёнок на улицу и от солнца зажмурился. Бросил ему ветерок сорванный листок: «Давай играть!» И помчались они по дорожке наперегонки – то котёнок листок подхватит, то ветерок.

Вышла на крыльцо бабушка с корзиной для вязания. Села на скамейку под навесом, достала серую шерсть и принялась за дело. Петли со спицы на спицу перекидывает, нитку подтягивает. От этого толстый клубок у её ног, как живой шевелится: то ближе подкатится, то в сторону отпрыгнет.

Подбежал котёнок, сел рядом. Ветерок с ним заигрывает, а он только ушами поводит. И думает: «Долго придётся бабушке трудиться, чтобы весь клубок размотать. Дали бы его мне, я бы с ним мигом управился!»

Но только лапку протянет, бабушка сквозь очки глянет строго: «Я тебе!..»

Вдруг накатила на солнце косматая тучка. Сама невеличка, а весь свет застила! И похожа эта тучка на моток серой шерсти, словно солнце в небе тоже решило заняться рукоделием...

Без солнца всё точно пылью покрылось. Тёплый ветерок зябким и вредным сделался, стал бабушку донимать – то за подол дёрнет, то косынку с головы стащит. Поёжилась она, положила очки на скамейку и отправилась в дом за кофтой.

А котёнок только этого и ждал! Бросился на клубок, и давай его вертеть, кувыряться с ним через голову.

Понравилась ветерку его игра. Метнулся он в небо, к серой тучке, и тоже начал её терзать! А ну, кто быстрее?!

Котёнок бабушкин клубок треплет, ветерок в небе тучку раздёргивает. Повисают серые нити дождями до самой земли. Оба спешат, торопятся: придёт бабушка – то-то обрадуется!

Наконец котёнок разматал всё до последней нитки, и ветерок своё дело закончил. Золотой спицей блеснула под солнцем последняя капля дождя.

Вернулась бабушка – а вязание распущено, клубок разматан, нити перепутаны! Думала ругаться, но глянула вокруг и обомлела. Пока была она в доме, двор изменился до неузнаваемости, будто кто-то только что закончил праздничную уборку: всё отмыл, отстирал, ни пылинки не оставил.

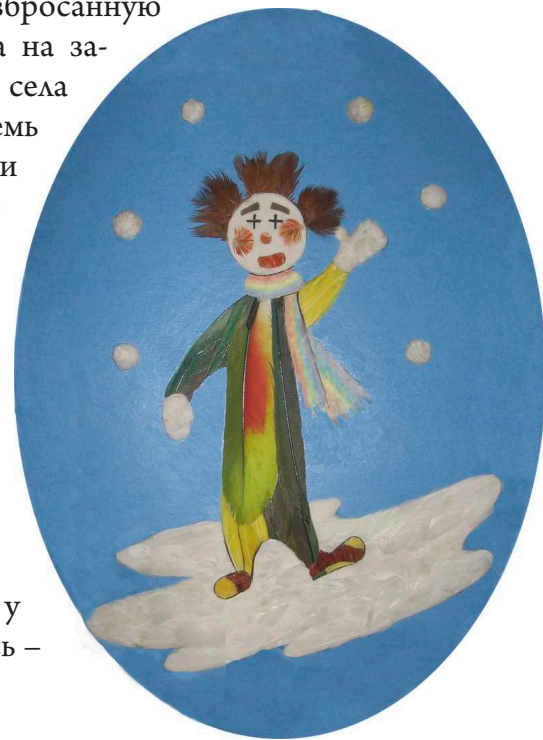
Солнце в небе сверкает, точно только начистили. Деревья, кусты, травы, щеголеватые подсолнухи у крыльца – так и сияют чистотой! Над умытыми цветами, весь в мелких капельках, гудит шмель. В прозрачной лужице лоскут синего неба полощется, а в небе разноцветным сквозным шарфом блещет радуга.

Собрала бабушка разбросанную серую пряжу, развесила на заборе сушиться. А сама села на скамейку, выбрала семь разноцветных клубков и принялась за новое вязание.

Потянулись из корзинки нити всех цветов радуги: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Будет внуку к зиме нарядный шарф!

А котёнок и ветерок у бабушкиных ног улеглись – довольные...

Хорошо поработали!

Жаворонок

В густой траве, в ямке, выстланной пухом, приютились птенцы жаворонка. Они широко открывали клювы, точно оранжево-алые лепестки, напоминая яркий, крикливый букетик первоцветов.

Один, вылупившийся чуть раньше, вертелся и с любопытством оглядывался вокруг.

Со всех сторон гнездо окружали осока и мятлик, только сверху виднелось несколько луговых васильков и весенняя синева.

Казалось, этот клочок неба, трава, кузнечик на прогнувшейся былинке – и есть весь мир. Но откуда-то доходили незнакомые запахи, шорох, шелест, щебет. Время от времени мимо проносились пчёлы и шмели, мелькали мухи, а однажды пролетела большая пёстрая бабочка.

– Что там? Что? – спрашивал птенец у мамы, вытягивая тонкую шейку и ещё больше походя на едва раскрывшийся цветок.

Маме было не до разговоров. Она сунула ему мошку и, не отдохнув, полетела за новой. Малыш растопырил крылышки и тоже попытался оторваться от земли.

– Мало мошек ел, – засмеялся кузнечик и, будто подхваченный ветром, лихо перемахнул через гнездо. Маленький жаворонок с завистью проследил за его полётом.

Стояли ясные солнечные дни. Травы становилось гуще и выше, цветы крупнее и ярче, и всё теснее было родное гнездо. Птенец старательно ел мошек, топоришил крылышки, подпрыгивал, и однажды оттолкнулся так сильно, что выпорхнул из травы.

– Я выше тебя! – крикнул он траве.

Но увидел кусты ивняка, окружавшие полянку, как трава – гнездо, и от неожиданности шлёпнулся вниз.

– А что там, за кустами? – спросил он у кузнечика.

– Не знаю, – пожал тот острыми плечиками, – мне и здесь хорошо.

Но маленькому упрямцу не сиделось на месте. Отдышавшись, он снова запрыгал, замахал крылышками. После нескольких попыток ему удалось ненадолго удержаться в воздухе.

– Я выше всех! – прокричал он кустам.

Но за кустами оказались деревья. Настоящие исполины – они начинались на земле и вращались в самое небо.

– Там ещё эти – большие! – слетев вниз, сообщил птенец, разводя крылышки.

Ручеёк

– И чего тебе не хватает? – удивился кузнечик.

На следующее утро, когда родители улетели, а братья, пригретые солнцем, ещё спали, жаворонок снова вылетел из гнезда. Он легко взвился над кустами, которые на этот раз показались совсем не высокими.

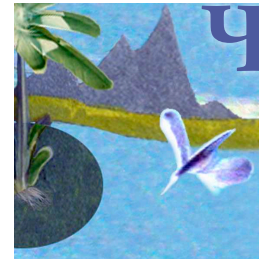
Он поднимался мимо шумящих листьев, мимо ветвей, где порхали и щебетали незнакомые птицы. Одна из них – большая и чёрная – строго крикнула: «Как ты тут? Как?» Птенец испугался, но ещё отчаянней заработал крылышками.

Наконец деревья тоже остались внизу. Земля распахнулась от края и до края, переполненная светом, расцвеченная зеленью лесов, разводами полей, голубыми узорами рек и озёр.

Мог ли он представить, сидя в своей крошечной ямке, что мир так велик и прекрасен?! Ему захотелось тут же поделиться этим открытием с насмешливым кузнечиком, с братишками, со всеми, кто остался внизу. И зависнув между небом и землёй, он запел!

Совсем недавно маленький жаворонок напоминал лишь жадно распахнутый клюв, а теперь – весь превратился в трепещущие крылышки! Они несли его всё выше и выше. Скоро он совсем исчез из виду, и только голос звенел в утренних лучах, будто пело само солнце.

Песня была такой блаженной и счастливой, что кузнечик, высматривающий из травы своего неугомонного друга, не удержался и что есть сил застрекотал в ответ.

Чёрный, как весенняя проталина, скворец слетел с ветки, послушал, как переговариваются водные струйки, и зажурчал, забулькал, подражая их говору.

Ручеёк очень обрадовался, что с ним заговорили на понятном языке.

– Откуда ты? – робко спросил он.

– Я прилетел из-за моря!

– А что такое море?

Скворец посмотрел в весеннюю синеву:

– Оно похоже на небо. Такое огромное и глубокое, что не видно ни берегов, ни дна. В ясные дни оно всё сияет от солнца! И, как ветер гонит облака, волны несут по нему лёгкую белую пену.

– Ах, я тоже хочу к морю! – пролепетал ручеёк.

– Что ты! Оно слишком далеко, а ты ещё мал... Ты устанешь, собьёшься с пути.

– Я не устану и не собьюсь! Только покажи, где оно.

– Тогда беги туда, откуда дует тёплый южный ветер!

И ручеёк, не раздумывая, повернул на юг.

Солнце припекало, таяли снега, и со всех сторон доносились голоса выбравшихся на волю весенних потоков.

– Вот удобная тропинка! Вот подходящая низинка! – наперебой шумели они, торопясь занять дорожки, издавна намытые дождевыми и тальными водами.

– Но ведут ли они к морю? – волновался ручеёк.

– А что это такое?

– Море – как на небо! Оно огромное и глубокое, так что не видно ни берегов, ни дна!

– Там, за углом, есть огромная лужа – может, она и есть море? – сказали ему.

Лужа действительно была очень большая. Правый её край упирался в стену дома, левый терялся за забором, а дна вообще не было видно из-за грязной воды.

– Ну, вот ещё один! – недовольно поморщилась она. – Все хотят попасть в самую большую лужу, а мне самой едва хватает места.

– Нет, она не похожа на море, – решил ручеёк и, нырнув под забор, обежал лужу стороной.

Вокруг вперегонки катились по склонам ручьи. Они шумели, перекликались друг с другом:

– Сюда! Сюда! Здесь для нас прорыты специальные канавки, по ним так легко и приятно бежать.

Но наш ручеёк намывал собственную дорожку.

– Я ищу море! – говорил он всем, кто звал его с собой.

– А какое оно?

– Оно похоже на небо и в ясные дни всё сияет от солнца!

– Там, у дороги, есть рытвина, наполненная водой. Она тоже вся сияет и переливается!

Рытвина переливалась от бензиновых разводов – в ней недавно забуксовала машина.

– Нужно быть современной, – учила она. – Сегодня, если в тебе одна вода, ты уже никому не неинтересна.

«Она тоже не похожа на море!» – подумал ручеёк и вновь побежал навстречу южному ветру.

– Море – как на небо! – напевал он. – И, как в небе облака, по нему плывёт лёгкая белая пена.

– Там впереди сточная канава, по ней чего только не плывёт!

Канава собирала всё подряд: прошлогодние листья, сосновые иголки, клочок газеты.

– А что принес ты? – спросила она. – Бери пример с меня, вон сколько я накопила добра!

Ручеёк подхватил обгоревшую спичку, но она вертелась, цеплялась за всё, мешая мечтать о море. Бросив её, он поспешил выбраться из города.

На вольном просторе было куда интереснее. Здесь яснее различались голоса птиц и дуновение ветра, а встречные ручьи были чище и веселей.

Маленький родничок присоединился к нему, но скоро стал отставать.

– А есть ли оно – море? – запыхавшись, спросил он.

– Конечно! Мне рассказал о нём скворец.

– Кто же верит скворцу, поющему с чужого голоса?!

И, скатившись с пригорка, родничок разлился в низинке.

А ручеёк пустился дальше. Он бежал без усталости. «Вот стану большим и сильным, тогда можно будет передохнуть», – успокаивал он себя.

Скоро дорожка круто пошла вниз – впереди показалось лес-

ное озеро. Оно было гораздо больше любой лужи, и берегов его не было видно из-за прошлогодних камышей и осоки. Но оно тоже не походило на море – оно было мутным и безжизненным.

И ручеёк опять пробежал мимо.

«Даже если ты большой и сильный, всё равно нельзя останавливаться, – подумал он, – иначе вода в тебе может испортиться, и ты превратишься в обычное болото».

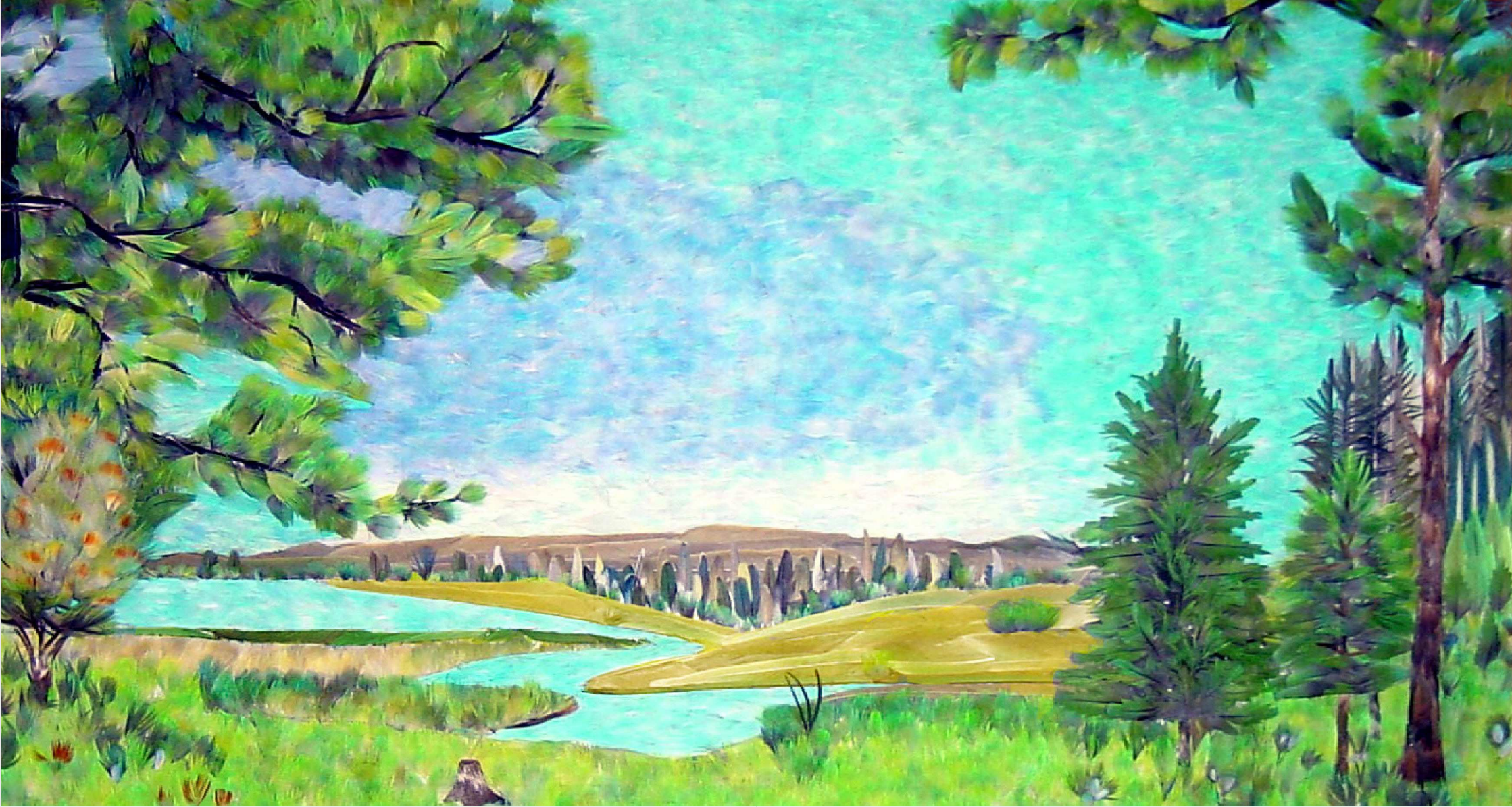
Он бежал днём и ночью, набираясь сил от тающих снегов и первых весенних дождей, становясь всё сильнее, всё увереннее в себе.

Наконец, перед ним открылся широкий водный простор. Это была река. Она свободно прокладывала себе дорогу, бурлила, пенилась, увлекая за собой встречные ручьи и небольшие речушки.

«К морю! К морю!» – взволнованно шумели речные струйки. И ручеёк с радостью слился с ними.

Мир разом вырос и расширился. Прежде его берегами были мелкие камушки и травинки, а теперь – горы, деревья, кусты. По утрам берега скрывались в тумане, и казалось, река вливается прямо в небо...

Здесь всё говорили о море. «К морю!» – гудел влажный ветер. «К морю!» – кричали чайки. По воде плыл большой белый теплоход, играла музыка, нарядные люди смеялись и говорили: «К морю! К морю!». И чувствовалось, что море уже близко.

Первая муха

Муж запылённых за зиму оконных рам очнулась муха. Она отряхнула крылышки и огляделась. С одной стороны от неё просматривалась улица, с другой – комната, и муха заметалась меж ними, не зная, что выбрать.

Но тут хозяйка, наводящая порядок, раскрыла раму:

- Глядите, муха проснулась! Первая в этом году!
- Ура! Муха! Первая муха! – захлопали в ладоши дети.

В промытые и насухо протёртые стекла лился солнечный свет. И всё говорило о приходе весны – и этот свет, и звон капли за окном, и кружащая по комнате муха.

Когда семья собралась обедать, муха уселась в центре стола. Она успела отведать хлебных крошек, сахару и каплю варенья, которую специально не стали стирать, чтоб она полакомилась.

Дети не столько ели, сколько занимались весенней гостьей.

- Глядите, у неё хоботок!
- У неё глаза больше головы!
- Она будет жить у нас, и у неё выведутся маленькие мушата!
- Ну уж нет! – сказала мама, смахивая отяжелевшую муху со стола.

Весь день дети бегали за ней. Им нравилось наблюдать, как она быстро-быстро перебирает лапками, как сходу взлетает, будто маленький вертолёт. Особенно нравилось, как она умывается. Перед сном они прибежали взглянуть на неё ещё раз.

Утром муха проснулась в самом радужном настроении и сразу полетела на кухню. Слегка приподняв крылышки, она навострилась сесть на ложку в руке хозяйки.

- Кыш! Кыш, тебе говорят! – зашикала та.

«Вот те на!» – удивилась муха и, сделав несколько витков вокруг лампы, полетела будить детей.

Она с гудением носилась над кроватями, норовя сесть кому-нибудь на нос. Дети отмахивались, натягивали на голову одеяло, но тогда она щекотала голые ступни.

В конце концов, малышам пришлось подняться раньше времени.

- Противная муха, – жаловались они. – Не дала выспаться.

«Странно, – не понимала муха, – ещё вчера мне радовались, а сегодня называют противной и отовсюду выпроваживают».

За завтраком она снова уселась вместе со всеми, но на этот раз её выгнали за дверь. Когда ей всё же удалось попасть в кухню, там уже вытирали со стола.

Муха с обиженным гудением летала по комнатам, но никто больше не обращал на неё внимания.

Мама занималась стиркой, мальчики катали на полу гоночные машинки, а девочка, расставив посудку на игрушечном столике, пыталась пустой ложкой накормить куклу из пустой тарелки.

Муха попробовала на вкус пластмассовые фрукты и недоумённо отлетела прочь.

«Надо было лететь в другую сторону», – решила она.

По ту сторону окна был иной мир: вместо лампы там сияло солнце, вместо потолка синело безграничное небо, звенела капель, трещали воробьи.

Ветка черёмухи с уже наметившимися почками покачивалась совсем рядом. Но когда муха попыталась сесть на неё, натолкнулась на невидимую преграду.

Не понимая, что ей мешает, она стала колотиться о стекло головой, и чем сильнее колотилась, тем заманчивей и желанней казался мир за окном.

Весь день она билась, металась, путалась в занавесках и всё жужжала, жужжала, будто хотела просверлить в стекле дырку.

– А вот я тебя полотенцем! – не выдержала хозяйка.

– Мама, не надо, это же первая муха! – закричали дети.

И перед мухой настужь распахнули окно.

С улицы ворвался весенний воздух, встрепенув её перламутровые крылышки.

«Жжалкие людишшки, не поймёшшь, шшто от них жждать», – прожужжала муха.

И, вполне довольная собой, провалилась в огромный заочный мир, полный света, звона и пьянящих весенних запахов.

Как червяк на небо ползал

У дождевого червяка нет ни рук, ни ног – движется он весь, всем телом. Видит и слышит тоже весь. И чувствует – весь. Поэтому, влюбившись, он влюбился весь – всей кожей и всеми внутренностями. Случилось это так...

Жил он себе в земле, богатой жирным перегноем, пил дождевую воду, ел стены, пол и потолок собственного дома. Причём, чем больше ел, тем просторней и удобней становилось его жилище.

В общем, жизнью он был вполне доволен и на поверхность выползал редко: только чтобы полакомиться свежесопревшим листочком или после обильного дождя, когда все его подземные переходы затопляло водой.

Но как-то раз, выглянув из норы, он заметил гусеницу. Она покачивалась на молодом листе смородины и томно смотрела вверх.

Червяк прополз мимо, но тут же вернулся. Забрался под землю, но и там не нашёл себе места.

Можно было бы сказать, что он потерял голову, если бы у него была голова. Скорее, в нём завелась червоточина – хотелось растянуться во всю длину и предаться мечтам, что не престоало порядочному червяку. Спасение от грёз было одно – жениться.

– Выходи за меня замуж, – решительно предложил червяк.

Красотка бросила сверху недоумённый взгляд.

– Замуж? За червяка?! Об этом ли я мечтаю?! Я мечтаю о небе!

– Небо – это та дыра, в которую проваливаются бездомные птицы, жуки и мухи? – уточнил червяк.

– Ах, небо! – пролепетала гусеница. – Сколько в нём простора и света!

– Но там негде жить! А у меня под землёй собственный дом с длинными коридорами и огромными комнатами.

– Не хочу под землю, – заупрямилась гусеница.

В этот момент мимо пролетел большой чёрный грач. Червяк спешно скрылся в норе и принялся грызть землю. Он всегда грыз землю, когда задумывался. Ему было непонятно, чем зыбкий непрочный свет лучше его устойчивой надёжной тьмы.

Мир для червяка делился на две части: подземный – где темно днём и ночью, и надземный – где темно только ночью.

Таким образом, даже безголовый мог бы сообразить, что

тьмы в мире ровно в три раза больше, чем света. Поэтому к той малости, которую занимал свет, червяк относился, как к чему-то временному, не стоящему внимания.

Но с тех пор, как он увидел гусеницу, ему уже не сиделось в тёмной норе. Он всё чаще выползал наружу: то без толку лежал под кустом, то проползал мимо него взад и вперёд, то сворачивался колечком, то делал стойку на хвосте, изгибаясь вопросом.

Но гусеница на все его ухищрения не обращала внимания. Однажды червяк увидел, что она обложила какими-то белёсыми ниточками и примеряет их на себя.

– Готовлю новый наряд, – объяснила она. – Ах, я чувствую, скоро со мной случится что-то необыкновенное...

Говоря это, гусеница без устали наматывала на себя нитку за ниткой, становясь всё толще, пока не раздулась до неузнаваемости.

Её нелепое одеяние разочаровало червяка. Он уполз под землю и долго не показывался на поверхность.

И всё же не так-то просто было заставить его отказаться от своих намерений. Поразмыслив, он решил, что в подземном мире внешность не имеет решающего значения.

Но когда он выполз снова, вместо гусеницы нашёл лишь пустой кокон.

– Не проглотила ли её какая-нибудь птица? – забеспокоился он, но вдруг услышал весёлый голос.

– Вот и я! – Неподалёку, обмахиваясь новенькими, едва просохшими крылышками, сидела бабочка. – Неправда ли, теперь я гораздо красивее?

Червяка трудно было чем-нибудь удивить, ведь он прекрасно обходился не только без крыльев, но без ног, без рук и даже без головы. Тем не менее, он понял, что теперь его избранница вряд ли согласится жить под землёй.

– Счастливо оставаться! – помахала она и скрылась из виду.

Червяку захотелось оторваться от земли и лететь вслед.

– Может, и у меня отрастут крылья, если я буду лежать без дела и тарашиться вверх? – подумал он и решительно вполз на смородиновый куст.

Сидеть на качающемся от ветра листе было неудобно – того гляди, свалишься. Солнце жгло так, что скоро червяк и вправду почувствовал себя в душном коконе.

От жары он то и дело погружался в дремоту, и тогда ему казалось, что он уже преобразился и порхает в небесах вместе с бабочкой.

Так он просидел до позднего вечера, но никаких изменений с ним не произошло.

Его охватило отчаяние. Охватило всего без остатка. Смородиновый лист дрожал, а ему казалось, дрожит и рушится весь мир, бывший прежде таким надёжным и понятным.

Скоро из-под земли выползла ночь, слопав остатки света.

Какое-то время в вышине ещё болтался светящийся червячок месяца, но потом и его затянуло тучами.

Стало так темно, что не осталось никакой границы между небом и землёй.

И тогда к червяку пришла удивительная мысль: «Если нет границы, значит, можно без всяких крыльев переползти с земли на небо!»

Мысль эта, как всегда, захватила его целиком.

Он тут же перебрался с листа на сучок, с сучка на ветку... Он двигался без остановки, преодолевал все преграды, поднимался всё выше, так как любому делу привык отдаваться полностью.

Наконец, он решил, что заполз достаточно высоко.

Вокруг была всё та же непроглядная тьма, и только впереди, совсем близко, светились бледные зеленоватые огоньки.

– Кто вы? – крикнул червяк. – Может, вы звёзды?

– Да, – ответили польщённые огоньки.

На самом деле это были обычные светлячки, но как приятно, когда тебя принимают за звезду!

– Значит, я и в самом деле на небе, – обрадовался червяк. – Оказывается, добраться до него пара пустяков. А скажите, есть ли у вас здесь собственное жильё? Где вы, к примеру, ночуете?

– Да так... – честно ответили светлячки, – где придётся: в ямках, на бугорках, на листочках и в разных гнилушках...

– Так я и думал, – усмехнулся червяк. – Нет, всё это не для

меня. Уж я бы ни за что не променял собственный дом на какие-то ямки и гнилушки, только потому, что они находятся на небе. Поползу-ка я обратно, пока не закрылась небесная граница.

Утренняя суматоха застала его уже на земле.

Словно пепел сгоревшей ночи, в воздухе беспорядочно кружили мухи. Весь в пыльце, покачиваясь, пролетел пьяный от цветочного дурмана шмель. Заспанная стрекоза, прихорашиваясь, рассматривала своё отражение в капле росы, а бабочки, лениво порхая над цветами, рассказывали друг другу ночные сны.

Одна из них окликнула его.

– Ты всё ещё здесь, бедный червяк? Знал бы ты, где я была, сколько всего повидала! Ах, как приятно порхать и резвиться в небе!

– Видел я ваше небо! – проворчал червяк. – Там даже у звёзд нет собственного жилья, и они ютятся, где попало.

Добравшись до дома, он улёгся в постель из прошлогодних листьев и проспал до обеда.

Проснувшись, он забыл о бабочке. Забыл, как всегда – сразу и напрочь. А вскоре женился.

Жену он взял по соседству. Вместе они прорыли переходы между своими норами, объединив их в огромный дом, где с удовольствием принимали гостей.

Хозяевами они были радушными и всегда позволяли гостям пожевать собственные стены.

И только если кто-нибудь вдруг начинал слишком нахваливать свет, червяк морщился всем своим существом.

– Свет – самое нелепое и бесполезное, что есть в мире, – убеждённо говорил он. – Там наверху царит такой беспорядок, такая суматоха и неразбериха, что это не может продолжаться долго. Я верю, однажды тьма проглотит свет раз и навсегда! Тогда не останется границы между днём и ночью, между небом и землёй, и все эти мотыльки, мошки и прочие крылатые бездельники не будут задирать перед нами нос.

– И в любую минуту можно будет заползти на небо? – с волнением спрашивали молодые червячки.

– Конечно! Только зачем? Я был там и не нашёл ничего интересного.

Гости слушали с большим вниманием, а жена просто краснела от гордости. Ведь не у каждой червячихи найдётся муж, который побывал на небе и разговаривал со звёздами!

Яблоко и яблоня

Упало от старого дерева спелое яблоко рядом с молодой яблоней.

И сказала молодая яблоня яблоку:

– Здравствуй, яблочко, желаю тебе поскорее истлеть, чтобы стать таким, как я.

– Сама истлей, если тебе нравится, – сердито ответило яблоко. – Я только что висело

на ветке, все любовались мной, ждали, когда я созрею. И вот я созрело и рассчитываю на самое лучшее.

Весь день яблоко надеялось, что за ним придут, и для него начнётся новая счастливая жизнь. Но никто не пришёл ни днём, ни вечером.

Утром оно уже не казалось таким свежим.

– Это оттого, что вчера было слишком пасмурно, – решило яблоко, – моей кожице нужен солнечный свет.

Но когда солнце припекло сильнее, яблоко стало сохнуть.

– Желаю, чтоб ты совсем высохло, – сказала яблоня.

– Замолчи! – испугалось яблоко. – Мне бы немного воды, и я снова буду сочным и крепким.

Но пошёл дождь, и оно начало преть с того боку, на котором лежало.

– Хоть бы ты поскорее испортилось, – сказала яблоня.

– Что я тебе сделало? – простило яблоко. – И неужели не найдётся кто-нибудь, кто оценит меня, порадует моей свежести?

– Какое чудесное яблочко, – похвалил червяк и, прокусив тонкую кожицу, забрался прямо в сочную мякоть.

– Что это? Зачем это?! – заволновалось яблоко. – Ах, он ест меня изнутри. Я пропадаю!

– Вот и хорошо, – обрадовалась яблоня.

– Какая ты злая! – рассердилось яблоко. – Я и так страдаю, а ещё ты отравляешь мою жизнь. Мне бы теперь сохранить хотя бы то, что осталось. Вот ведь сверху я совсем целое.

– Какое хорошее яблочко, почти целое, – загудели осы и, воткнув острые жала, потянули из него соки.

– Как больно! Как страшно! – жаловалось яблоко. – Как ужасно и несправедливо устроена жизнь!

– Вовсе нет, – отвечала яблоня, – всё идёт, как надо.

– Ты смеёшься надо мной, противная яблоня! Посмотри – где моя прозрачная кожица, моя сочная мякоть, моя свежесть и молодость? Куда всё девалось?

– Твоя красота, румяная кожица и сочная мякоть – лишь временные одежды. Не жалею о них, – говорила яблоня.

Но яблоко не хотело ничего знать.

– Всё пропало! Всё пропало! – твердило оно. – Кому я такое нужно? На что я теперь гожусь?

– Какое замечательное гнилое яблоко, – радостно зажужжали мухи и облепили его со всех сторон, так что оно совсем съежилось от боли и отчаянья.

– А всё ты! Всё ты! – корило яблоко. – Ты пожелала мне это! Ты сгубила мою жизнь.

– Разве это жизнь? – удивлялась яблоня.

Но яблоко больше не могло её слышать, от него осталось лишь маленькое семечко, которое затерялось в траве и ушло в землю.

Весной из семечка пророс зелёный росток.

– Здравствуй маленькая яблонька, – сказала ему большая яблоня. – Как я ждала твоего появления, как весело станет нам теперь. Мы будем стоять рядом, как две сестрёнки, в наших ветвях запоют птицы, ветви покроют цветы, и из каждого цветка вырастет молодое румяное яблочко.

– Здравствуй добрая яблоня, – отвечала новорожденная яблонька. – Какая ты милая и приветливая, как я хочу скорее вырасти и стать похожей на тебя!

Она совсем не помнила, что с ней было раньше, и каждым листиком радовалась утру, солнцу, весне.

Солнечный зайчик

ил-был зайчик. Ненастоящий зайчик – солнечный. Ему так и говорили иногда: «Ты ненастоящий!»

Особенно его донимали тени. Сами они не умели светиться и радоваться и всегда злобно шептали ему вслед: «Ненастоящий! Тебя как бы нет!»

И зайчику становилось грустно, что все вокруг как бы есть, а его как бы нет. Он прятался за стеклом маленького зеркала и думал: «Хоть бы разок увидеть, какие они – настоящие зайцы. Как, должно быть, они сияют!»

Однажды девочка, хозяйка зеркала, оказалась в зоопарке. Чтобы повеселить томлящихся в неволе зверей, она пускала к ним солнечного зайчика, который отважно запрыгивал за железные решётки. Он побывал у волка, у медведя, у тигра и даже в пасти у крокодила.

– А вон зайцы! – показала девочке мама.

Солнечный зайчик мигом вскочил в невысокую клетку, обтянутую с одной стороны металлической сеткой, и огляделся.

В углу, у деревянного корытца, сидели два длинноухих зверька – совершенно серые и совсем не светящиеся. Они уныло жевали листья капусты, а их тени, такие же тусклые и серые, жевали тени капустных листьев.

– Ты зачем тут? – сердито зашипели тени.

– Я тоже заяц, – пролепетал солнечный зайчик.

– Ты ненастоящий, – сказала одна тень, – настоящие зайцы не скачут по стенам и потолку.

– Настоящие зайцы не светятся! – подтвердила другая.

Зайчику очень хотелось стать настоящим. Он спрыгнул вниз и попытался подумать о чём-нибудь грустном.

Однажды девочка, уехав в деревню к бабушке, забыла взять с собой зеркальце. Тогда целое лето, точно в клетке, он провёл в тесной тёмной тумбочке...

От этих воспоминаний и оттого, что солнце наполовину зашло за облачко, зайчик потускнел и стал почти незаметен на дощатом полу. Но тени всё равно были недовольны и твердили: «Ненстоящий! Ненстоящий!»

А настоящие зайцы не обращали на него внимания. Они сидели у своего корытца с таким видом, что, похоже, даже капустным листьям, которые они жевали, было нестерпимо скучно.

И зайчику, не испугавшемуся пасти крокодила, вдруг стало страшно. Казалось, ещё немного, и он сольётся с этими серыми, вечно недовольными тенями и никогда больше не сможет веселиться и радоваться...

Но тут снова выглянуло солнце. Тени в панике метнулись прочь, а на их месте затрепетали тысячи озорных светящихся пятнышек.

Они отражались от окон домов, от влажной после недавнего дождя ливны, от сверкающих луж и зеркального пруда, в котором плавали разноцветные птицы.

И набравшись света, зайчик выскочил из клетки.

Влившись в это яркое праздничное сияние, он начал беззаботно скакать, шалить, резвиться! Он совсем не умел грустить, когда светило солнце.

СКВОЗНЯЧОК

Тде-то за порогом жил сквознячок. После уборки мама ненадолго впускала его, чтоб проветрить комнату.

И всё сразу оживало: открытая книга шелестела страницами, скатерть шевелила длинной бахромой, а занавески на окне трепетали так, что нарисованные на них цветы

становились похожи на живые.

Тёма тоже оживал: он громко смеялся, бегал, раскачивал и двигал всё, что качалось и двигалось.

– Посиди хоть минутку спокойно! – просила мама.

Она закрывала форточку, поправляла шторы и скатерть, а сына усаживала рисовать или играть в тихие настольные игры. Мама любила порядок.

Однажды на улице установился небывалый зной. Воздух стал тяжёлым и спёртым, как в доме, который давным-давно не

проветривали. Цветы и кусты в палисаднике стояли грустные и недвижимые, будто были не живые, а нарисованные.

Тёма смотрел в окно и пытался понять, куда делся ветер. Казалось, где-то далеко и высоко забыли открыть какие-то главные окна, и весь мир скоро задохнётся от пыли и духоты.

Он сидел так долго и тихо, что мама забеспокоилась.

– Может, побегаешь или посмотришь мультики, – предлагала она. Но Тёма только уныло качал головой.

Тогда мама уложила его в постель и позвонила в детскую больницу.

– Ну, что у вас опять стряслось? – спросил доктор, вытирая лоб платком. Он был частым гостем в доме.

– Какой-то он вялый, – пожаловалась мама. – Ничего не хочет...

– Так что же? – доктор заглянул Тёме в рот. – Мне тоже ничего не хочется в такую жару! Пейте больше воды, принимайте витамины. А главное – свежий воздух! Окна отворите – ну и духота у вас!

Мама с опаской покосилась на Тёму, но всё же послушалась и открыла окно.

– А рецепт? – напомнила она.

– Это необязательно.

Но мама во всём любила порядок. Доктор пожал плечами и что-то быстро написал на листочке бумаги.

Когда он уходил, в дверь влетел сквознячок, и листочек, соскользнув со стола, перепорхнул на кровать. «Свежий воздух» было написано на нём.

Тёма засмеялся, сложил самолётик и запустил его к потолку.

Из коридора прибежала мама и очень обрадовалась, что сын повеселел. Но тут самолётик, сделав круг по комнате, вылетел в окно. Мама только руками успела всплеснуть.

– Как же мы без рецепта?

– Это не обязательно, – уверенно сказал Тёма.

Он представлял, как самолётик полетит над крышами домов, над полями, лесами – туда, где находятся самые главные окна. И тот, кто отвечает за порядок в мире, поймёт, наконец, как нужен всем свежий воздух, распахнёт окна и двери, и в мир ворвётся долгожданный ветер, вместе с дождём и свежестью.

А сквознячок радостно порхал по комнате – занавески на окне трепетали, скатерть шевелила длинной бахромой и старая книга сказок шелестела страницами, будто читала сама себя.

Звезда и огонёк

А едушка принял у проводницы сумку с вещами, выслушал наставления, переданные Димкиной матерью, и повёл внука домой.

Пока шли вдоль железной дороги, Димка тараторил без умолку. Но когда солнце село, они свернули в лес, где уже караулила ночь.

И мальчик притих, забеспокоился.

– Деда, а мы не заблудимся? – озираясь, спросил он.

– Ну!.. – засмеялся дед. – Я же лесник. Вон видишь звёздочку

– это Вега. Её будем держаться.

Идти стало веселей – Димка то и дело высматривал звезду меж сосновых крон.

Выйдя из леса, он увидели далеко впереди огонёк.

– Вон ещё звёздочка, – показал Димка.

– Молодец – углядел. Теперь на неё пойдём...

Когда целых две звезды указывали путь, Димка уже не бо-

ялся заблудиться и сам с удовольствием определял, куда идти.

Скоро Вега поднялась выше. Димка ждал, что следом потянется вторая звезда, но она по-прежнему оставалась внизу, только становилась всё больше и ярче...

Она приближалась, приближалась и когда, в последний раз исчезнув за перелеском, появилась опять, оказалась окошком, светящимся на чёрном силуэте избы. До слуха донёсся радостный лай собаки.

– Дом! – догадался наконец Димка. – Это наш дом?

– Чей же ещё? – отозвался дедушка, отворяя калитку и отмахиваясь от ластившегося пса.

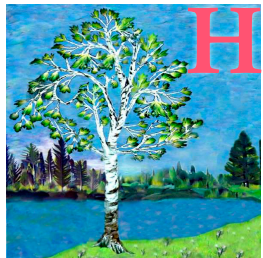
Окошко горело ярко, празднично, освещая астры и мальвы в палисаднике. А вокруг ещё плотнее сдвигалась непроглядная тьма.

Вглядываясь в неё, Димка думал о светивших им путеводных звёздочках. Одна из них была окошком родного дома.

А другая?

И отыскав в небе Вегу, он долго стоял с поднятой головой, пытаясь различить что-то в далёкой таинственной тьме.

Витю видел!

На лесной опушке старая берёза стояла, листьями шелестела, болтала с соседками.

О многом можно переговорить долгим весенним днём, но чаще рассказывала она о детях и внуках.

Они у неё по всей округе: все здоровы, все в хороших местах пристроены. Особенно одна берёзка удалась – выросла на высоком берегу, на излучине, беленькая, ровненькая, как картинка.

Про неё-то и шла речь, когда внезапный порыв ветра переполюшил вокруг кусты и деревья:

– Витю видел, Ви-и-тю-ю!

– Ишь разгулялся! – проворчала берёза. – Все ветви от тебя ломит.

Забрался ветер ей в крону и нашептал, что возле её любимой берёзки Витя с братишкой играют. Они вокруг мусор наброса-

ли, на макушку ей бутылку надели из-под газировки, а на ветки два целлофановых мешка...

– Это ещё зачем? – всплеснула ветвями старая берёза.

– Говорят, чтоб на человека была похожа.

– Так ты бы веточки раскачал, мешки на землю побросал.

– А они их узлом завязали.

– Ты бы сорок позвал, они бы бутылку разбили, пакеты расклевали, по гнёздам растаскали.

– Да сейчас бутылки такие, что их не разобьёшь, пакеты такие, что их не расклюдёшь, и для гнёзд они не годятся – слишком холодные и скользкие. Ветер их не истреplet, дождь не размочит – сто лет пройдёт, а они никуда не денутся.

– Горе мне, горе, – запричитала старая берёза, – зачем дожила я до времён, когда живое и доброе дряхлеет и портится, а дрянь да мусор не исчезает и не пропадает. Ах, детки мои, детки, листочки мои и ветки, не красоваться вам над рекой, не надевать зелёных одёжек, не распускать весенних серёжек...

Подхватил ветер её плач, понёс по лесу, передавая от одного дерева к другому.

Видит, на излучине Витя с братом ствол у берёзки надрубили и банку прилаживают – сок собирать. Загудел от возмущения, ещё пуце стал деревья раскачивать.

Озябли мальчишки, укутались в куртки, укрылись в кусты. Укачал их лесной шум, накатила на них крепкий сон.

Приснилось Вите, будто он у себя дома в постели лежит, а деревья за окном шумят, о чём-то сговариваются.

Вдруг молодой кедр и две сосенки за калиткой выпростили корни из земли и через ограду полезли. Это они решили к ёлочке у Витиною окна в гости сходить.

Посидели в палисаднике, поболтали, а потом тесновато им показалось, заглянули в окно:

– Вон неплохая полянка!

Забрались в комнату, стряхнули землю на новый ковёр и, закинув корень на корень, как ногу на ногу, отдыхать уселись.

Увидели Витю, вытащили из-под одеяла, стали, крутить-вертеть, сучками в него тыкать. Кто такой? На что годится?

– Какой-то он странный, корни у него слабые, ветви вялые. Давайте его переделаем!

Навтыкали прутьев в рукава и за пазуху, на голову трухлявый пенёк нахлобучили. У Вити слёзы градом, а они только рады: подвесили на грудь консервную банку, слёзы в неё – кап-кап!

Пытается Витя бежать, но с места не сдвинется. Хочет маму позвать, но только губами шевелит, как вялыми листьями.

А от пня вдруг отростки заскользили змеями по плечам и спине. Ещё немного и вращёт Витя в пол, уйдёт корнями в землю, никогда больше не будет бегать и играть.

Вскрикнул Витя из последних сил, сбросил с головы пенёк и проснулся.

А проснувшись, другими глазами на всё посмотрел, будто действительно у него вместо головы был пенёк трухлявый. Увидел и мусор, и помятые цветы, и изуродованную берёзку.

Снял он бутылку, отвязал пакеты, стал собирать в них мусор. Он ведь не думал, что от его игры кому-то плохо может быть.

Тут братишка проснулся, стал помогать.

– Будто мы хорошие волшебники, да?

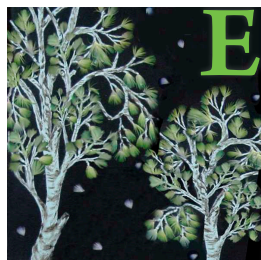
Выстругали они из сухих веток длинные палочки и, когда шли домой, зорко смотрели, не нужна ли кому помощь?

Увидят пустую бутылку, подцепят палочкой – и в мешок, увидят брошенный фантик – и его подхватят. Это ведь для нас фантик – пустяк, а крошечному цветку мать-и-мачехи на всю жизнь может солнце закрыть.

Много хороших дел сделали в этот день две совсем не волшебные палочки! Жаль, не помогли услышать, как на опушке говорила соседкам старая берёза:

– Вовремя ветер Витю увидел, вовремя берёзку мы от беды спасли. А как же? Мои детки, слава богу, не сиротки – есть кому о них побеспокоиться!

Хочешь стать великаном?

Есть у нас в посёлке дядя Вася Великан. Он худой и длинный, но не потому его так прозвали. Каждой весной собирает он вокруг себя ребятню и рассказывает сказки.

Точнее, сказка у него всегда одна. Он уверяет, что если посадить дерево и взяться за его верхушку, то будешь расти вместе с ним и вырастешь таким же высоким и сильным.

– Вообще никуда не уходить? – начинают спрашивать те, кто помладше. – А как же есть и пить?

– Есть и пить можно, – разрешает дядя Вася. – И в школу ходить можно, и спать, и гулять. Главное, хоть раз в день прийти к своему дереву и подержаться за его макушку.

Девчонки чаще отказываются, ни одной не хочется, чтоб её дразнили дылдой.

Мальчишки начинают спорить – прикидывать...

– Великанов не бывает, – говорит один.

– В старые времена были, – возражает другой.

– Это в сказках!

– Не в сказках, а в былинах. А былина – значит быть.

Насчет старых времён дядя Вася рассуждает охотно.

– Тогда люди меньше суетились, а теперь – не посидят...

– Что же вы сами не стали великаном? – спрашивают те, кто постарше.

– Я пытался, даже перерос своих сверстников. Но потом уехал учиться. Потом дела закрутили. В общем, когда вернулся, уже не смог дотянуться до вершины своего дерева.

– А сейчас? Попробуйте ещё разок, – советуют ему.

– Пробовал – больше не расту, – разводит он длинными руками.

Некоторым идея нравится. Для них дядя Вася приносит лопаты и заранее приготовленные саженцы. Вместе они копают землю, сажают молодые берёзки, сосенки, дубки.

Какое-то время дети будут заботиться о них, поливать, окучивать, не забывая несколько раз в день дотронуться до тоненькой, гибкой, как прутик, верхушки. Но постепенно потеряют к ним интерес и начнут играть в другие игры.

Да и зачем быть великаном? Наш мир для этого не приспособлен. Как в машине ездить, как в ванне мыться, где одежду покупать? Для великанов всё нужно особое, великанское.

Взрослые относятся к дяде Васе по-разному. Одни называют чудачком, хотя он человек вполне серьёзный, раньше работал бригадиром в колхозе. Другие считают подвижником, хотя он никуда не движется, а уже много лет безвыездно проживает в нашей деревне.

Свой дом он построил когда-то на заброшенном пустыре, который расчистил от хлама и мусора, превратив в настоящий парк.

И весь наш посёлок – клуб, школа, детский сад, почта – утопают в зелени. Дядя Вася даже автобусные остановки разрисовал берёзками и клёнами.

Если сосчитать деревья, которые он посадил вместе с детьми, можно почти точно узнать, сколько ребят выросло на его сказках. Многие стали учителями, врачами, инженерами, экономистами и просто хорошими людьми.

– Да, – соглашается дядя Вася, – жаль только, что никто так и не стал великаном...

Где кончается берег?

й, Витюшка, иди на берег!

– А я где? – удивился Витюшка и по глинистому откосу сбежал с кручи.

Мальчишки, накупавшись в янтарно-коричневой воде Чаи, грелись на песке.

– А где кончается берег? – спросил Витюшка.

Ему было интересно: там, наверху, где он только что стоял, берег или нет?

Мальчишки переглянулись.

– У деревни кончается, – ответил один.

Но Витюшка не успокоился и начал допытываться:

– У какой избы?

Тогда Данилка, который жил почти у самой реки, сказал, что берег кончается возле него. А Лёха сказал – около него, и мальчишки заспорили, чей дом ближе к реке...

Но Андрей объяснил, что спорить нечего – вся их деревня на берегу стоит.

А Пашка Клюквин вообще считал, что берег до Клюквинки тянется.

Тогда Лёха подумал и сказал:

– Между прочим, весь Чаинский район на берегу Чаи.

– И Томск тоже, – сказал Пашка.

– Нет, Томск – на Томи, – возразил Лёха.

– Зато Чая и Томь в одну и ту же реку впадают... – сказал Андрей.

Тут вспомнили, что в школьном атласе вообще нет ни Чаи, ни Томи, а есть одна большая река – Обь, и договорились все ближайшие к ней города и сёла считать одним берегом.

– Новосибирск тоже на Оби! – сообщил Данилка, у которого в Новосибирском Академгородке дед работал.

– А Омск на какой реке?

Этого никто не помнил, но название Томска и Омска были так похожи, что решили Омск тоже оставить на своём берегу.

Потом подумали и Екатеринбург оставили – там два года назад с классом на экскурсии были.

И Рязань – в Рязани у Данилки дядя...

В том, что Москва на родном берегу, не сомневался уже никто.

А дальше? Что там после Москвы?

Вспомнили Смоленск – его по истории проходили.

А дальше?

– Дальше Заграница... – сказал Лёха.

– Не Заграница, а Европа, – поправил Андрей. – Там у меня тётка живёт – в Германии.

Мальчишки глянули недоверчиво: в Европе и вдруг – тётка. Но, подумав, присоединили к своему берегу и Европу.

– А Америка?

– Не... – протянул Лёха, – Америка далеко.

– Ну да! Как раз под нами! – Андрей топнул ногой по песку.

– Если прокопать тоннель, прямо в Америку попадётся.

– А донырнуть до неё можно? – спросил Пашкин братишка.

– Нет, – объяснил Пашка, – самолётом нужно...

И они мысленно перелетели через океан.

– Аляска! – воскликнул Данилка.

– Аляска раньше нашей была, – сказал Андрей.

Аляску тоже оставили... От Аляски до Чукотки рукой подать. Чукотку все знали – там чукчи живут.

Дальше перебрались в Иркутск. В Иркутске Данилка с родителями прошлым летом отдыхал – на Байкале.

Потом Красноярск – там у Лёхи брат служит. Потом Кемерово.

– А ведь Кемерово тоже на Томи! Как Томск! – закричал Андрей.

– Точно! – обрадовался Пашка.

И зазвучали знакомые названия сёл и деревень: Варгатёр, Подгорное, Рождественка и, наконец, Заречное, крыши которого виднелись на той стороне реки.

– Вот это да! – сказал Пашка, удивляясь, что, прокочевав от одного берега через всю землю, они вернулись к другому...

– Что же это получается? – спросил Витюшка. – Выходит, вся земля – берега нашей реки?

Мальчишки согласились – получается так.

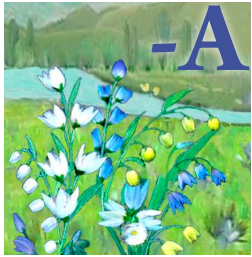
И пошли купаться.

Они плескались и ныряли в коричневой, как чай, воде Чаи – в центре Азии, как раз между Европой и Америкой, до которой всё пытался донырнуть Пашкин брат.

По земле босиком

Если наводнение начнётся, бабушкин дом затопит?

– Какое наводнение? – удивляется мама.

– Речка здесь небольшая, только луга весной заливают. Они так и называются – заливные.

Вера хорошо учится в школе, занимается в кружках и каждый день смотрит с родителями новости по телевизору.

Одета она во всё новое, нарядное. Правда, пока добирались вечерним автобусом и шли от остановки через село, платье немного помялось и туфельки запылились.

А Вере так хотелось, чтобы бабушка, увидев её, всплеснула руками: «Какая красивая девочка, не то что наши деревенские...»

– А можно, я у бабушки во дворе другое платье надену? – просит Вера.

Но мама несёт две тяжёлые сумки – ей не до причуд.

А на двери бабушкиного дома большой замок.

– Наверное, в магазин ушла, – вздыхает мама, нащупывая ключ за притолокой.

Вера обходит комнаты, заглядывает за занавеску, щёлкает кнопками телевизора и недовольно садится на диван. Что здесь делать: ни игрушек, ни компьютера. В телевизоре какая-то рябь.

– Не нравится, будешь жить в огороде вместе с пугалом, – рассердилась мама.

Обиделась Вера, выскочила из дому. В огороде пугало в шапке-ушанке ей пустым рукавом машет. Отвернулась от него, пробежала между грядками и оказалось на опушке соснового леса.

Присела на бугорок, устеленный хвоинками, огляделась. Над бабушкиной крышей ещё солнце стоит, а здесь по-вечернему свежо.

Хотела заплакать, но вдруг прямо перед ней села на ветку серенькая птичка, поменьше воробья, покачалась и защёлкала: «вечер-вечер-вечерунчик».

И показалось Вере, что она её ласково окликнула – мама, когда добрая, всегда её Верунчиком называет.

«Что за странная птичка! – подумала Вера. – Или она ненастоящая? Мало ли разных игрушек с дистанционным управлением».

– Вечер-вечер-вечерунчик. Я славка-говорунчик, – прощептала птичка. – А ты кто? Ты чья?

– Я Вера-Верунчик. Я ничья – меня мама в огород жить отправила, – пожаловалась Вера.

А сама всё оглядывается, может, мальчишки за кустами спрятались, кнопки на джойстике нажимают.

– Вечер-вечер-вечерунчик! Здесь в огородах никто не живёт. Здесь и в домах-то почти никого не осталось.

– А ты откуда знаешь?

– Я всё знаю: сколько человек сейчас в деревне, кто в гости приезжает, кто зимовать остаётся...

– Ты что, перепись населения составляешь? – засмеялась Вера.

– Вечер-вечер-вечерунчик! Перепись – когда переписывают, а я просто счёт веду.

Рассказала славка, что земля отправила её узнать, сколько на ней людей живёт. Совсем она их чувствовать перестала – думает, перевелись они все.

– Как это перевелись?! – ахнула Вера. – Знаешь, в городе сколько народу! Утром в маршрутках не протолкнуться! На дорогах пробки! Неужели земля про них не знает?

– Да откуда ей знать, если люди по ней ходить перестали. По асфальту на машинах ездят, дома друг на друга ставят! У земли же глаз нет. Она лишь тех чувствует, кто босыми ногами по ней ступает, голыми руками на ней работает.

«Поэтому, наверное, землетрясения происходят и всякие там ураганы, что земле кажется, будто никого на ней больше нет, – решила Вера. – Я вот тоже, когда одна дома, делаю что хочу: бегаю, прыгаю, ногами топаю, кричу во весь голос».

– А как же ты одна всех пересчитаешь? Земля-то большая! Когда в нашем городе перепись была, по квартирам разные люди ходили с одинаковыми шарфами и сумками. Даже меня переписали! А у тебя – ни сумки, ни ручки, ни калькулятора.

– Я не одна! Земля много птиц разослала! Да и считать-то здесь особо некого. Раньше в деревне былолюдно и весело, а теперь пусто, – объяснила славка и добавила «вечер-вечер-вечерунчик», только на этот раз грустно у неё получилось.

– Ничего, – сказала Вера. – Вот мы с мамой к вам приехали. И на следующее лето приедем. А когда вырасту, может, насовсем останусь!..

Сбросила она туфли, носочки аккуратно в карман положила. Пусть земля её тоже почувствует. Идёт, со славкой переговаривается, с ноги на ногу перескакивает. Земля ей травинками ступни щекочет.

Чётки в кустах пересвистываются: «чёт-нечет-нечет-чёт», кукушка где-то кукует, дятел что-то равномерно отстукивает – тоже свой счёт ведут.

Домой Вера прибежала босая, растрёпанная и уже чуточку загоревшая. А бабушка с мамой её на крыльце поджидают.

– Верунчик! – всплеснула руками бабушка. – Как выросла! И какая красавица!

За ужином Вера уплетала за обе щёки всё, что бабушка собрала на стол, и нахваливала:

– Какое всё здесь вкусное!

– Так ведь своё, свежее, – довольно улыбалась бабушка, – этими руками выращенное!

– Значит, тебя земля знает?

– А как же! Я с детства на ней работаю! Меня здесь всё знает: и поля, и леса, и речка. И тебя скоро узнает. Вот завтра с утра в лес пойдём за маслятами!..

Перед сном Вера выпила парного молока из большой эмалированной кружки и уснула на мягкой бабушкиной перине.

Сквозь сон она чувствовала, как кружится, укачивая её, Земля, и славка-говорунчик за окном напевает: «Вечер-вечер-вечерунчик! Время к ночи – спи, Верунчик...»

О Лике и семилике

ила-была девочка Лика. Дома хорошо жила, особенно в выходные и в праздники, а в школе так себе – неважно... Учителя всё время к ней придирались, без конца ей замечания делали.

Очень она была непоседливая и несообразная – пяти минут не могла спокойно посидеть. На уроке вся извертится, половину того, что учительница скажет, не услышит. Дома всё напутает: не тот пример решит, не те тетрадки принесёт или вовсе забудет домашнее задание сделать.

Книжку возьмёт читать – бросит, поделку начнёт мастерить – не доделает. Даже на своём любимом рисовании получала тройки, потому что ни один рисунок не могла закончить.

«Нужно управлять собой», – говорили ей, а она не понимала. Управляют машиной: сел за руль и поехал. Управляют шко-

лой: вызвал непослушного ученика на педсовет, родителям по телефону позвонил – и порядок. А самой себе, сколько ни звони – всегда занято. Да и как себе прикажешь? Говорила рукам – не болтайте, голове – не вертись, никакого толку: руки сами куда попало лезут, ноги куда не надо бегут.

Так думала Лика пока из школы шла. А пока думала, за котом на соседнюю улицу сбегала, в зоомагазин, где хомячки и белые мышки продаются, заглянула, на тротуаре постояла, посмотрела, как рабочие на щите рекламу меняют, на турнике покачалась, три раза вокруг дома обежала, пять раз на кнопку домофона нажала – музыку послушала.

Дома включила телевизор и компьютер, посадила Мурку на колени и собралась уроки делать. Открыла природоведение и вздохнула: целых три страницы – и всё про птиц. И зачем столько? Все они, в общем, одинаковые: головки, клювики, крылья, ножки, хвосты...

И вдруг в распахнутую форточку синичка впорхнула. Села на раму и головой закрутила. Вся такая чистенькая, новенькая, с жёлтым передничком – как с картинки учебника.

– Дон-динь-день, – протенькала синичка.

И так это было похоже на «добрый день», что Лике захотелось с ней поздороваться. Но хоть она неважно училась в школе, все-таки понимала, что девочки с синицами не общаются, потому что они из разных классов: синица из класса птиц, а Лика из 2А.

Зато кошка тут же на подоконник вскочила!

Лика думала, птичка испугается, а она юркнула в комнату и запорхала от стены к стене. И всё оглядывается, будто играет. Мурка на неё как прыгнет!

А синичка вдруг превратилась в муху и из лап её выскользнула!

Лика глаза ладошками потёрла, как папа очки протирает, когда её дневник разглядывает, и думает: «Верно учительница говорила, нужно управлять собой – а то глаза меня слушаться перестали, непонятно что мне показывают».

Муха вокруг Мурки кружит, жужжит. Мурка за ней – муха в коридор, Мурка в коридор – муха на кухню, Мурка на кухню – муха обратно в комнату...

И вдруг тоже кошкой обернулась!

Отскочила Мурка: спина дугой, хвост трубой, смотрит и тихонько гудит где-то внутри.

«Надо бы эту чужую непонятную кошку поймать, – решила Лика, – мама ведь категорически запретила новых животных заводить».

– Кошечка, кис, кис, кис, – поманила она.

А кошка и говорит:

– Никакая я не кошка...

Лика от удивления на пол села. Вот и уши у неё что попало слышат!

А кошка превратилась в белку, села напротив, лапки чинно сложила – хорошенькая такая, ручная и совсем не опасная.

Достала Лика из кармана горсть семечек, неуверенно протянула на ладошке.

– На, белочка. На, на, на...

– Вовсе я не белочка! – и белка обернулась воробьём с чёрным нагрудничком на серой грудке.

Лика руками всплеснула, семечки рассыпала.

– Да что же это такое?! Да кто же это такой?!

А воробей клюнул семечку и представился:

– Чик-чирик, я – семилик!

Вот когда Лика пожалела, что была рассеянной на уроках.

– А кто такой семилик? Это зверь или птица?

– И зверь, и птица, – сказал воробей и ещё одну семечку ухватил.

– А где он, например, водится?

– Где хочет, там и водится!

– А как он выглядит?

– Как хочет, так и выглядит!

Лика от волнения по комнате забегала.

«Вот это да! Вот это жизнь! Тут сиди, скучай, птиц изучай, а он сам себе птица, зверь и насекомое в одном лице – даже страницы переворачивать не надо!»

– Значит, ты кем угодно можешь стать?!!

– Запросто! – и воробей превратился в настоящую обезьянку!

Стали они вместе скакать по комнате, кувыркаться через голову. Мурка даже под диван забилась.

– А интересно, наверное, во всё превращаться? – переводя дух, спросила Лика.

– Ничего особенного! – скорчил семилик недовольную рожицу.

– Как?! – подскочила Лика. – Это же можно где угодно побывать, что угодно повидать, в море поплавать, в небе полетать!

– Да я далеко не летал, – признался семилик, – только с ветки на ветку. Вот когда жаворонком был, высоко поднялся. Но ненадолго. Я потом сразу в зайца превратился.

– А весело быть зайцем?!

– Да я недолго был зайцем – я потом ёжиком обернулся.

– А хорошо быть ёжиком, иголки изнутри не колются?

– Я потом черепахой стал...

– А не скучно быть черепахой?

Семилику надоели вопросы, и он превратился в кузнечика. У Лики такой на компьютерной заставке был среди цветов и трав: весь зелёный, даже глаза зелёные. Ей всегда казалось, их просто забыли раскрасить.

– Догоняй! – крикнул кузнечик и, оттолкнувшись ногами, похожими на переломанные былинки, вскочил на стол.

Ли́ка только на стул залезла, а он уже со шкафа смотрит зелёными глазами. Не успела она опомниться, он с лёгкостью сиганул на пол – только это уже была белая мышка!

Ли́ка всегда считала себя очень ловкой, на физкультуре могла бы одни пятёрки получать, если б не забывала форму приносить. А тут, пока развернётся, семилик уже в другом углу комнаты – только хвостик мелькает.

Мурка, наконец, из оцепенения вышла – шмыг под стол! Но

вместо мышки из-под длинной бахромы скатерти, как из густой травы, вылетела носатая птица с красной шапочкой на макушке, села на ручку шкафа и застучала:

– Тук-тука!

– Так нечестно! – закричала Ли́ка. – Мы в догоняшки играем, а не в прятки!

– А я в прятки!

– Тогда надо было ждать, когда я тебя найду.

– Не хочу ждать! Я не люблю долго сидеть на месте!

– Разве это долго? Учился бы ты у нас в школе! Там целых сорок минут нужно не крутиться, не вертеться, не разговаривать, если не спрашивают!

Ли́ка представила класс, где дети умеют превращаться во всё подряд. Ходит учительница меж рядов, указкой по партам стучит: «Перестаньте мяукать, уберите хвосты со столов – неужели трудно сорок минут побыть человеком?!»

– Подумаешь! – и семилик снова клювом забарабанил.

– Кыш, – взмахнула руками Ли́ка, – всю мебель маме испортишь! Теперь моя очередь прятаться!

Улучив момент, она влезла на подоконник, затаилась за занавеской и стала прислушиваться к тому, что в комнате делается. Вдруг дверца шкафа скипнула. Выглянула: а Мурка у шкафа принюхивается к чему-то, и шерсть её медленно встаёт дыбом.

Распахнула Ли́ка шкаф, а оттуда выскочил живой тигр!

С криком оттолкнула она его двумя руками – от ужаса даже не удивилась, как легко отлетел он к стене, словно надувная игрушка!

– Чего толкаешься? – обиделся тигр и, став безобидным кроликом, принялся обнюхивать цветы на ковре.

– А зачем ты на меня набрасываешься?!

– Ничего я не набрасываюсь!

– Нет набрасываешься. Обещай больше в страшное не превращаться!

– Ладно, – легко согласился кролик и тут же обернулся чем-то чёрным, похожим на шланг от стиральной машинки.

Миг – и он, извиваясь, скользнул к её ногам!

Лица с визгом впрыгнула на диван. Если бы она была внимательней, то заметила бы на голове у змеи жёлтый бантик, какие бывают лишь у безвредных ужей. Но она ничего про это не знала.

– Ты обещал меня не пугать! – чуть не плача напомнила она.

– Это не я, это кролик обещал!

У Лици руки опустились.

– Ну, как с тобой играть? На месте ты сидеть не можешь, правила игры нарушаешь, слова не держишь.

– С тобой тоже не больно весело – ты всё время одинаковая.

– Конечно! Я ведь человек, а ни какая-то мышка или мошка!

– Ну и что! Захочу, тоже человеком стану.

И семилек превратился в Лику!!!

Смотрит Лица на себя, как в кривое зеркало: глаза у неё круглые от удивления, лицо испуганное, руки плавают в воздухе, как у надувной куклы.

«Я не такая, у меня руки не болтаются, как попало!» – хотела крикнуть она, но вспомнила, что сама никак не научится управлять своими руками.

«Я не пустая», – хотела сказать она, но вспомнила, как учительница говорила, что если ничем не заниматься всерьёз, можно превратиться в пустого и никчёмного человека.

Семилик тем временем сдулся, словно из него пробку вытащили, – стал обычным хомячком.

– Большим быть трудно, – вздохнул он.

– Конечно! – согласилась Лика. – Я вот, когда маленькая была, жила, как хотела. А теперь и в школу надо ходить, и уроки делать, и посуду за собой мыть. Даже пылесосить заставляют!

– Тоже мне трудности! Была бы ты на моём месте! В жуках и мошках мне тесно, жмёт со всех сторон, в крупных животных – слишком просторно. Днём наглотаешься то сырой крупы, то капусты, то червяков, потом живот болит. Ночью не заснуть: сколько раз ты во сне с боку на бок перевернёшься, столько я из одного в другое превращусь.

– А ты возьми и остановись – перестань превращаться.

– Как это?! Кем же я буду?

– А кем ты раньше был – в самом начале?

Семилик задумался, даже на задние лапки встал, чтоб ловчей было думать.

– Может, кошкой? – взглянула Лика на Мурку.

Семилик недовольно повёл носом из стороны в сторону.

– Может, собакой? Может, этим, этим, как его ...

Подставив стул, Лика сняла с полки том энциклопедии и ста-

ла показывать семилику разных животных. Но ни в одном он не узнавал себя.

Каких только зверюшек, пташек, букашек-таракашек не было в книге: рогатых и безрогих, усатых и безусых, бегающих, ползающих, плавающих, летающих...

Лика решила крупных пропускать: вряд ли вначале семилик был очень большим – ненастоящие они у него получаются. Насекомых тоже отмела – ему в них тесно, как взрослому в детской одежде.

Но и животных среднего размера осталось предостаточно.

– Может, ты рысью был? Или куницей? Или – дикобразом? – допытывалась она.

Дикобраза в книге не было, Лика про него вспомнила, потому что в зоопарке видела. Она попыталась изобразить его на бумаге, но, как ни старалась, он смахивал на обычного ёжика.

Семилик десять раз успел измениться, а она всё рисовала. От скуки он обернулся майским жуком и с высоты шлёпнулся ей на тетрадь.

– Да посиди хоть немножко на месте! – стряхнула она его ладошкой.

Но тут как раз по телевизору началась передача «В мире животных», и семилик, примостившись перед экраном, стал превращаться во всё подряд.

Лика телевизор выключила, компьютер выключила.

– Попробуй сосредоточиться, иначе никогда не узнаешь, кто ты на самом деле.

– А мне и не надо – я и так знаю!

– Так кто же ты?

– Я – семилик! Я и зверь, и птица, и рыба, и насекомое ...

– Но ведь это не по-настоящему. Был зайцем и не понял толком, как это – быть зайцем. Был ёжиком и ничего про него не узнал. А человек из тебя выходит ненастоящий – пустой внутри.

– Ну и что! Зато если мне весело, я превращаюсь в котёнка, когда грустно – в ягнёнка, когда устану – в улитку или черепаху. А ты: и когда весело – Лика, и когда грустно – Лика, и когда спишь, и когда играешь. Как тебе не надоест?

– Да разве это может надоест? Ведь я родилась Ликой!

– А я семиликом!

И, обернувшись синичкой, он вспорхнул на раму форточки.

– Куда ты? – закричала Лика. – Мы ведь ещё не поиграли и не поговорили, как следует!

– Я не могу долго быть на одном месте! – напомнил семилик и, перелетев на ветку за окном, затерялся в осенней листве.

Лика вглядывалась в каждую веточку, в каждый листочек, но его уже не было видно.

Кошка прыгнула на подоконник, сунула голову под ладонь. Лика вздохнула, взяла её на руки и, подойдя к столу, села за учебник.

Мурка заглянула в книгу и отвернулась – её не интересовали нарисованные птицы.

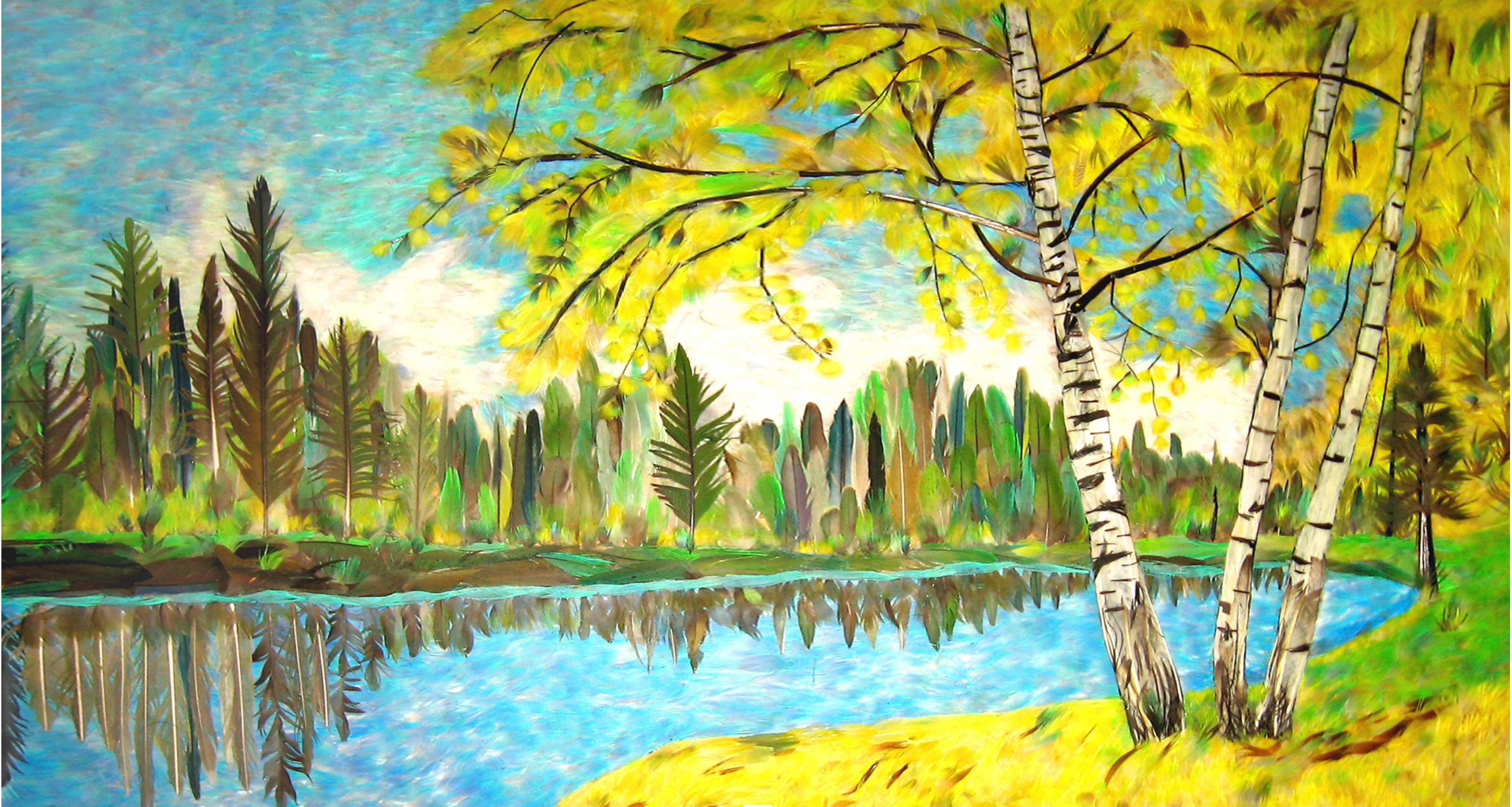
Лика нашла воробья, синичку и долгоносого дятла в красной шапочке... Потом прочитала всё, что про них написано. Потом ещё энциклопедию полистала.

На следующий день на уроке рисования она изобразила синичку на оконной раме, а за окном жёлтые листья и синее небо. Учительница поставила ей пятёрку, даже обвела её два раза. И по природоведению Лика получила пять.

Никогда ещё у неё не было двух пятёрок сразу. Из школы она бежала вприпрыжку и думала: хорошо, что эти оценки не исчезнут и не изменятся, пока она несёт их домой.

Всё, что она видела вокруг, представлялось ей новым и необыкновенным: пробежавшая мимо собака, сорока на макушке ёлки, кружащий над клумбой шмель. За всем мерещился удивительный зверёк семилик. Или не зверёк – кто его разберёт ...

Пёрышко летит сквозь сказку

Сколько на свете людей, умеющих творить чудо? Многие из нас знают, по крайней мере, двух-трёх волшебников, которые могут создавать что-то такое, что не умеет никто другой. Кто-то из моих знакомых вырезает чудеса из бересты, кто-то – вывязывает из кружев, кто-то – рисует на стекле... Но есть среди них двое, с кем хочется познакомиться целый мир, поделиться чудесами и сказками, которые рождаются в их душах.

Имя сказочницы Татьяны Мейко известно томским читателям давно, сказки у неё необычные, ничего подобного нет у других авторов. У Татьяны Ефремовны вышло уже немало книг, и что-то вы, возможно, читали. Однако сегодня хочется представить удивительную книгу, родившуюся от встречи двух талантов.

Я счастлива, что моя жизнь пересеклась с ними во времени и в пространстве, что есть много общего, объединяющего нас. И в первую очередь это – ТГУ. С Татьяной Мейко мы учились примерно в одно время на филологическом факультете, а Нина Борисовна Реморова была тогда нашей любимой преподавательницей, читала зарубежную литературу. Её обаяние, знания, талант рассказчика и дар общения студенты ценили. Несмотря на строгость и принципиальность, Нина Борисовна входила в число преподавателей, любимых многими.

Для нас годы учёбы в университете остались позади, каждый пошёл своим путем – Татьяна стала писательницей, я – журналисткой. И однажды мы встретились на необыкновенной выставке в музее деревянного зодчества. Там выставлялись картины из птичьих перьев, автором которых была наша Нина Борисовна! Многие тогда заново открыли для себя этого человека, увидели уникальные творения, которые родились в результате слияния её фантазии и кропотливости, душевного богатства и чувства красоты.

Видят прекрасное многие, а вот передать, воспроизвести могут далеко не все. У Нины Борисовны этот дар настолько силен, что она

умеет передать красоту мира совершенно необычными средствами – выложив филигранную, тончайшую мозаику из перьев. Так искусно, что сразу невозможно понять, как это сделано, какой кистью написано. А это нарисовано кистью жизни, написано птичьим пёрышком, таким недолговечным, таким невесомым...

Так же легки и невесомы, как эти пёрышки, и сказки Татьяны Мейко, у которой возникла прекрасная идея проиллюстрировать картинами Нины Борисовны книгу своих сказок.

Им просто суждено было объединиться, этим двум художникам. Ведь что такое перья птицы? Без них птица – не птица, ни красоты, ни жизни. Потерянное птицей, пёрышко обречено кануть в небытие, его даже не разглядеть в траве. Оно быстро потеряет свою красоту и прелесть. Намокнет, растопчется, пропадёт... Но пёрышко, подобранное художником, обретает вечную жизнь. Так на лету ловит слова для своих сказок Татьяна Мейко. Так бережно собирает Нина Борисовна птичьи пёрышки.

Перья птиц несут художнице все знакомые и незнакомые люди, и они попадают в сказку навечно. Люди того поколения, к которому относится Нина Борисовна, пережившие военное время в детстве и юности, имеют привычку, непонятную сегодняшним молодым – необычную бережливость. Они не выкидывают ничего – ни крошечки, ни ниточки, ни пёрышка. Всё может пойти в дело, это особенность психологии многих людей тех времен. Творчество Нины Борисовны

доказывает, как из материала бросового, эфемерного, неосязаемого и тонкого может возникнуть что-то особенное. Целый мир создан ею из обречённых на небытие, закончивших свою жизнь, перьев.

Не в начале и даже не в середине жизни Нина Борисовна пришла к своему неожиданному искусству, до этого она никогда не держала дома птиц, не мечтала создавать картины, была поглощена литературой, любимой работой. Она и сейчас отдаёт свой труд Университету. Случайность играет роль в наших судьбах, и немалую. И то, что ей когда-то преподнесли волнистого попугайчика, какие живут в сотнях городских квартир, подарило нам самобытного художника. Это счастье, что в её биографии тогда открылась новая страница.

А сегодня вы можете перелистать страницы книги, которую придумала и над которой несколько лет трудилась Татьяна Мейко, тоже став художником – не только слова, но и в области книжного дизайна.

Символично, что книжка открывается сказкой «Пёрышко». Это пёрышко, странствующее в поиске своего места – волшебное. Оно проведёт нас по сказкам Татьяны Мейко, поведаёт о том, что могло увидеть, когда летело по белу свету из сказки в сказку.

Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

На фотографии: Н.Реморова и Т.Мейко

Содержание

Пёрышко.....	3
Начало.....	11
Солнце и туча.....	16
Зёрнышко.....	18
Ромашка.....	21
О чём плачет выюга.....	23
Любчик.....	28
Котёнок и ветерок.....	33
Жаворонок.....	36
Ручеёк.....	39
Первая муха.....	46
Как червяк на небо ползал.....	51
Яблоко и яблоня.....	58
Солнечный зайчик.....	61
Сквознячок.....	66
Звезда и огонёк.....	70
Витю видел!.....	72
Хочешь стать великаном?.....	76
Гдекончается берег.....	80
По земле босиком.....	86
О Лике и семилике.....	91
<i>О. Чайковская. Пёрышко летит сквозь сказку.....</i>	<i>106</i>

Литературно-художественное издание
ПЁСТРЫЕ ПЁРЫШКИ
Мейко Татьяна Ефремовна
Сказки и рассказы
Реморова Нина Борисовна
Картины

Художественное оформление Т. Мейко
Послесловие О. Чайковской

